

Яна Завацкая

РАССВЕТ 2.0

Яна Завацкая

Рассвет 2.0

«Издательские решения»

Завацкая Я.

Рассвет 2.0 / Я. Завацкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517751-3

Мир общественной собственности, без деления на своих и чужих, мир изобилия и гуманизма. Как он может выглядеть в реальности? Как разрешить проблемы трудовой мотивации, инакомыслия, сохранятся ли преступники, можно ли жить без государства как аппарата принуждения? «Рассвет 2.0» — попытка в художественной форме, в рамках увлекательного сюжета ответить на эти вопросы. О том, как человечество дошло до жизни такой — в предыдущих части трилогии: романах «Перезагрузка» и «Холодная зона».

ISBN 978-5-00-517751-3

© Завацкая Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Авария	6
Глава 2. Похороны. Книга Цзиньши	22
Глава 3. На земле. Кузин, новая жизнь	53
Глава 4. Начинаю изучать историю	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рассвет 2.0

Яна Завацкая

© Яна Завацкая, 2020

ISBN 978-5-0051-7751-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Станислав Чон, Церера, год 032 КЭ.

Глава 1. Авария

Смена началась рутинно, с отправки водного транспорта на Марс.

Туда у нас ходит «Ким Ир Сен», самый вместительный грузовик, минимальная команда – двенадцать человек. Медосмотр проводит робот в пропускном пункте. Автомат в состоянии померить давление, пульс, снять кардиограмму, просканировать кровь на предмет сахара и еще ряда показателей, а также, увы, алкоголя – нарушать сухой закон некоторые умудряются прямо перед рейсом. В случае чего дверь заблокируется – но космотехники обходят эту блокировку запросто, а задержать их физически робот не может. Я, разумеется, тоже не стал бы применять приемы тхэквондо. Но мое виртуальное присутствие отрезвляет альтернативно одаренных. Напоминает о том, что существует Совет, ответственность и возможность отправиться на Землю следующим рейсом и навсегда.

Поэтому за отправкой я должен следить лично. Пока юркие кибертележки таскают по пандусу блоки чистейшего местного льда, экипаж уныло стоит в очереди в пропускник, я поглядываю на стеклянный монитор и пью чай. Все прошло благополучно. Последний в очереди член экипажа – пилот второго класса Зульфия Рахмангулова – покинула пропускник. Я поставил чашку в посудомойку и вымыл руки. В десять у меня был назначен мониторинг у астрофизиков, рутинное обследование – делает все, опять же, робот. Но как известно, с сильным искусственным интеллектом пока что случился пролет, так что решения принимать все равно мне. Любой диагноз – это решение. А уж тем более – назначения и режим.

До десяти срочных дел не ожидалось. Я навел порядок в шкафу с инструментами, обнаружил и выкинул несколько пачек шприц-тюбиков с истекшим сроком годности. Вынес их из списка. Интересно, почему бы не разработать автомат, который занимался бы вот такой ерундой? Но больше в дежурке убирать было нечего. Мы стараемся поддерживать порядок, а то ведь неловко перед коллегами. И я сел писать планы по поддержанию здоровья вверенного мне персонала. Нас, салверов¹, на Церере всего четверо. Соответственно, персонал всех пяти станций – трех научных и двух промышленных – мы поделили между собой. Я отвечаю за здоровье трехсот двадцати трех человек. Это предполагает разработку комплексных планов здоровья, контроль за их выполнением и все такое прочее. Впрочем, учитывая, что комплаенс² пациентов чаще всего на нуле, все эти планы остаются формальностью. Конечно, в спортзал все ходят – не маленькие, сами понимают, что иначе в условиях низкой гравитации организму не поздоровится. Но остальными процедурами и обследованиями дружно манкируют.

В общем, хочешь – не хочешь, а документировать происходящее надо – для статистики, например. Но у меня есть еще и научная цель. Я составил сводную таблицу изменений веса моих пациентов – ученых, кибертехников и пилотов. Задумался над тенденциями – не слишком хорошими, атрофия мышечной ткани шла тем интенсивнее, чем больше времени человек проводил на Церере. Надо сравнить ситуацию с другими станциями – допустим, в системе Юпитера. На Марсе в любом случае дело должно обстоять получше. В общем, я размышлял о высоком, и тут раздался входной сигнал.

Посетитель! Неожиданно. Конечно, мы тут и проводим дежурство именно потому, что могут прийти больные. Но приходят они, скажем так, редко. Для чего здоровому лбу-церерианину, еще на Земле обследованному до последней молекулы белка в последней клетке, трудовголику и энтузиасту, переться к медикам? Конечно, бывает всякое – но в таком случае пациентов к нам, как правило, уже приносят.

---

¹ Салвер – медицинский работник, см. разъяснения далее в тексте (фант.)

² Комплаенс – терапевтическое сотрудничество. Означает меру, характеризующую правильность выполнения больным рекомендаций врача

Я с интересом обернулся. Вошел один из научных – внешне я его помнил, но имя что-то вылетело из головы. Он не из моих подопечных, а вроде бы Кристиновых. Кажется, с третьей станции. Планетолог или геохимик, в общем, не из обслуживающего персонала.

Прожив на Церере почти два года, всех уже знаешь в лицо. Тем более, когда у тебя работа такая – с людьми.

Да и лицо из тех, что запоминаются. Высокий и тощий человек в возрасте, с сильными залысинами, впалыми щеками, небольшие глаза странно желтого цвета, тигриные. Чисто выбритое лицо, очень белая кожа. Немолод – впрочем, среди научных встречаются люди и старше, за шестьдесят и семьдесят, хотя в основном у нас работает молодежь.

Рукопожатие ученого оказалось неожиданно крепким.

– Здравствуйте... Станислав? – по-китайски он говорил с сильным акцентом. Я улыбнулся.

– Здравствуйте. Вы, кажется, с третьей станции?

– Верно. Я планетолог, Аркадий Дикий, – представился он.

– Садитесь, пожалуйста, – я указал на стул, – на что жалуетесь?

Он уселся и вздохнул.

– Станислав, вы извините... давайте по-русски? Откровенно говоря, я не очень владею местным международным. Я на станции всего два месяца, а до того толком не изучал. Ведь вы, кажется, наполовину русский?

– Вроде на четверть, – ответил я, легко перейдя на язык моей матери. – Но русский мой родной язык, я вырос в России.

У нас на Церере международный – ханью. Интересно, что до войны повсюду был лишь один всеобщий язык – английский. Как странно! Ведь на инглиш говорит не так уж много народу, хотя он остался международным языком, но далеко не основным, а одним из, наряду с китайским, хинди и испанским. Хотя русский как раз в космосе тоже считается международным языком, все системщики его учат, русскоязычных здесь в процентном отношении куда больше, чем на Земле, – традиция.

Я понимаю Аркадия – сам тоже лентяй, три международных еще выучил, а в хинди плаваю.

Но собственно, знать языки и не обязательно – ведь еще есть трансляторы! Кстати, на восток Аркадия прицеплен такой приборчик – видно, на случай, если совсем станет туго с пониманием окружающих.

– Замечательно! – обрадовался Аркадий. Я решил, что пора вернуть его к делу.

– Так на что вы жалуетесь?

– Головокружения, – сообщил он. – Знаете, особенно ночью, когда сидишь на приборах. Сильные головокружения, прямо плывет все вокруг.

Я развернулся наполовину – так удобнее прикрыть глаза. Комм уже вывел на сетчатку все данные пациента. Аркадий Вениаминович Дикий, 52 года, в анамнезе легкий алкоголизм – ну это бывает, острый лейкоз в возрасте 25 лет, легкая черепно-мозговая травма в 42, в целом все благополучно, последние анализы крови и сканы, социальное положение – семьдесят три балла, это неплохо; психологический профиль – белый три плюс; дважды биоотец; постоянных близких нет. Не любит человек связывать себя обязательствами, бывает.

Я развернулся к пациенту.

– Ну давайте посмотрим, в чем дело.

Конечно, в первую очередь думаешь о нарушениях мозгового кровообращения. Я посадил Аркадия под сканер, настроил на кровь и стал разглядывать артерии мозга. Возможно, понадобится осмотр невролога – я-то могу оценить только в общем и целом. Но ближайший невролог, вообще ближайший врач находится на Марсе. Позвоночные артерии показались мне

узковаты, но в целом я не обнаружил никаких проблем. Видимо, сосуды ни при чем, а головокружение, например, кохлеарное, или с мозжечком проблемы.

– Я вам дам препарат, его нужно принимать два раза в день, утром и вечером. Не пропускайте – это важно! – веско произнес я. – Если не поможет – через неделю отправлю вас к врачу на Марс.

Попробуем своими силами обойтись.

– И не обманывайте меня! – строго добавил я. – Речь идет о вашем здоровье и работоспособности! К тому же не надо бояться, так просто из системы на Землю не отправляют. У нас работают люди с самыми разными диагнозами. Однако важно установить, что у вас за проблема! Чтобы адекватно помочь.

– Ну что вы! – улыбнулся планетолог. Улыбка у него была некрасивая из-за слишком больших и неровных зубов, торчащих из узкого рта, как у крысы. – Я и не пришел бы к вам, если бы хотел обманывать. Поверьте, в моем возрасте начинают серьезно относиться к состоянию здоровья!

«Если бы!» – усмехнулся я про себя. Увы, те, кто плюет на свое здоровье, с годами никак не меняются.

– Надеюсь! – кивнул я.

– Кстати, Станислав... извините, можно личный вопрос? Вы – действительно сын Ли Морозовой?

– Да, – отрывисто ответил я.

– Надо же! Я вначале и не подумал. Ведь ваша фамилия – Чон.

– Это по отцу, – произнес я неохотно.

– Ах да, конечно! Ну что ж, родителей не выбирают.

Аркадий снова протянул мне руку.

– Приятно было с вами познакомиться, Станислав! И поговорить. Признаться, у меня проблемы с ханьским, я никогда не увлекался востоком вообще, и вот попал. Его нужно знать с детства, иначе все равно будут сложности. Кстати, а не хотите как-нибудь зайти к нам на станцию? Например, завтра интересный концерт будет, отмечаем кое-что, а у нас подобрался великолепный оркестр, практически профессионалы! Будет Моцарт и Беллерт. Конечно, не знаю, как вы насчет музыки... И учтите, что зал расположен под прозрачным куполом! Я вас заинтриговал? Приходите, пообщаемся!

Он сердечно распрощался и вышел. Я некоторое время глядел ему вслед. Планетолог попал в точку – насчет музыки у меня очень хорошо, в детстве мне даже прочили будущее пианиста. Конечно, профессионалом я не стал, но классическая и хорошая современная симфоническая музыка – наше все, а уж слушать ее под звездным небом Цереры – божественно. Удивительно, но до сих пор я даже не знал, что на Тройке есть хороший оркестр.

– Стас, к тебе можно?

Елки-палки, я почти забыл, что у меня плановый прием назначен. Вошла астрофизик Таня с травмой руки, я стал менять ей повязку и спросил между делом.

– Слушай, говорят, на Тройке оркестр хороший, и завтра у них концерт. Не хочешь сходить?

Таня улыбнулась, тряхнув короткой светлой стрижкой.

– Завтра мне по-любому некогда, у меня комета. Да и вообще я на Тройку ни ногой!

– А чего так? – удивился я, аккуратно удаляя псевдокожу с заживающей раны. Таня ойкнула.

– Извини.

Я наложил новую кожу и стал накручивать вокруг тут же застывающий лубок.

– Да там народ скучный, на Третьей, – сообщила Таня, – поговорить не с кем толком.

– Странно, – я закрепил прозрачный пластик, – сегодня я общался с одним планетологом оттуда, очень милый, интеллигентный человек.

– Ну может, есть исключения, – Таня вскочила. – Теперь когда являться?

– Послезавтра. Погоди, я же к вам на осмотр, так что могу тебя подбросить на ровере. Пошли?

Аркадий поймал меня после концерта, в состоянии эмоциональной раскочки. Звезды над прозрачным ситалловым³ куполом сияли почти так же ясно, как на открытой местности. Под всем этим Моцарт не то что звучал – ввинчивался в сердце на разрыв. Они взяли двадцать третий концерт, пианист был, возможно, и не самый блестящий, а часть струнного состава заменили записью – понятно, где возьмешь полный оркестр на Церере. Но все это не мешало, и с двадцать третьим они справились отлично. Еще лучше оказался Беллерг. «Песнь Революции», то грозная, то исполненная трагизма и отчаяния, то победная – пробирала до того, что у многих непроизвольно текли слезы. И у меня тоже, я тихонько вытирал глаза рукавом, стыдно же. То ли заработался и испытывал голод по впечатлениям, то ли в самом деле это было так хорошо – но мне казалось, никогда еще музыка так не действовала на меня.

Тихонько я выбрался из зала, стесняясь смотреть на людей – хотелось побыть одному. Но кто-то коснулся моего плеча.

Я выпрямился, переходя к рабочему настрою. Аркадий улыбнулся неровным рядом зубов.

– Может быть, выпьем? Я хотел с вами побеседовать.

«Конечно, из-за маман». Ну ладно – что ж поделаешь? Можно и выпить. Ничего спиртного, конечно – Аркадий же не восемнадцатилетний пацан с ангара, а я вообще салвер. Мы солидно сели в кафе Тройки, взяли по стакану лимонада и тарелку с канапэ. По ходу, толкаясь у автоматов и потом выискивая свободное место, легко перешли на «ты».

Я слопал бутерброд с кусочками рыбы. Аркадий был занят едой, а меня вдруг охватила непонятная робость. Человек значительно старше меня, к тому же ученый.

– Ты ведь всего два месяца на Церере? – спросил я, чтобы преодолеть дурацкое стеснение.

– Да, – Аркадий сосредоточенно жевал, – недавно. Видишь ли, Церера – в общем-то не моя тема. Я занимаюсь астероидами, а если точнее – то поясом Койпера. Но я включил Цереру в мой план исследований, не помешает. Подвернулось место очень удачно, у нас должна была лететь одна сотрудница, но не смогла.

– В Систему попасть не так-то просто, – согласился я, – желающих много.

– Именно! – Аркадий вытянул длинный указательный палец, – А у меня, понимаешь, вопрос стоит так, что я могу занять пост директора Пражского Астроцентра. То есть должность почти у меня в кармане... Но у нас же как? Партию упразднили, а порядки остались старые: ни на какую должность не попадешь, пока, так сказать, не докажешь делом. А под делом что понимается? Не организационный талант, не научный, не конкретные заслуги в своей работе – а какие-то дурацкие подвиги, в нашем случае полевая работа в Системе. Так сложилось, когда на Земле было много дыр – восстанавливать хозяйство, спасти природу, строить поселки и фабрики, людей обеспечивать и так далее. А сейчас-то зачем? Непонятно. Но факт остается фактом: хочешь стать директором – поработай в Системе, а тут как раз это место образовалось. Я сюда на год и устроился.

– Вот оно как, – пробормотал я, – Выходит, Церера тебя не так уж интересует.

---

³ **Ситаллы** – стеклокристаллические материалы, полученные объемной кристаллизацией стекол и состоящие из одной или нескольких кристаллических фаз равномерно распределенных в стекловидной фазе. Разработаны советским физикохимиком И. И. Китайгородским.

– Ну почему. Тоже работа. Тоже какие-то измерения, результаты. И в моей работе использую, и другим пригодится.

– Ты, выходит, в Праге живешь?

– Да. Вырос в России, живу сейчас в Праге. Красивый город, и не так уж пострадал. Восстановили его хорошо. Ну а теперь, Стас, твоя очередь – давно на Церере?

– Полтора года. В принципе, договор у меня на два, а там будет видно.

– Романтики захотелось? – понимающе усмехнулся Аркадий.

– Романтики? – я пожал плечами, – Не знаю. То есть, конечно, интересно. Космос, вакуум, небо черное. Первые две недели интересно. Но с точки зрения работы... Я работал в пансионате для инвалидов, потом в Патруле. Вот это настоящая работа. В пансионате у нас были инвалиды, глубокие старики, с военными травмами, с редкими заболеваниями. Все психически нестабильные. В Патруле – там постоянно напряг, часто травмы, аварии, тяжелые заболевания, смерти. И там, и там была работа такая, что не продохнешь, постоянно голова и руки заняты, выматываешься, как собака – но интересно. Для нас романтика вот такая. А здесь... ну что здесь для салвера в самом деле? Рутинны, проверки, изредка травмы. Все здоровы. Все работают.

– А чего же ты не вернешься?

– Да так. Не хочется что-то, – буркнул я, – Не знаю, что на Земле делать.

Желтые тигриные глаза глянули проницательно.

– Личные дела?

– Да, – согласился я, – и это тоже.

– Ладно, забудь, – он допил свой лимонад, аккуратно стукнул дном стакана, – Стас, если не секрет, тебе сколько лет?

– Двадцать восемь.

– Стас, я вот когда тебя спросил о матери – мне показалось, ты скукожился как-то? Нет? Проблемы с ней?

– Да нет, – вздохнул я, – какие проблемы. Она хорошая мать, все нормально.

– Но мне казалось, она должна быть очень старой, нет? Она же участвовала в освобождении Европы, и уже не очень молодой.

– Да, она родила меня в пятьдесят четыре. Специальная методика вынашивания, тогда как раз ее разрабатывали. А отец уже погиб, я посмертный ребенок, сперму заморозили еще до Освобождения. Сейчас маме восемьдесят два. Да, она, конечно же, старая.

Не знаю, почему, но Аркадий мне нравился. Может, расположил к себе откровенностью. Конечно, не очень красиво устраиваться на Цереру только ради поста директора, да и вообще рваться к постам. Я этого понять не могу. Но когда Аркадий вот так говорит, кажется – ну а что такого? Может, он талантливый руководитель, и хочет это доказать.

– Тебе не нравится, когда о ней спрашивают?

– Понимаешь, Аркадий, – я отодвинул пустую тарелку, – как тебе объяснить? Она хорошая мать, у меня с ней прекрасные отношения. Всегда были. Но представь... ты приходишь в школу, и сразу слышишь: Стас, ты не можешь поговорить со своей мамой, может, она у нас проведет лекцию? Придет на праздник? Поступаешь в институт, и там тебе первым делом: Станислав, у вашей матери не сохранились какие-нибудь памятные вещи для нашего музея революционной славы? А как насчет интервью для сайта? Знакомишься с ребятами на тусовке, и они ненавязчиво напрашиваются в гости к твоей матери...

– Да, понимаю, понимаю, – кивнул Аркадий.

Я почему-то вспомнил Марселу и прикрыл глаза. Да. Мама относилась к ней прекрасно – а как она должна относиться к подруге, а потом и жене сына?

– И вот тебе уже двадцать восемь лет, а твое основное качество все еще – сын. Потому что все остальное, что я делаю – моя работа, характер, моя личность – никак не перевешивает

в глазах общества того факта, что я сын великой разведчицы и героини Освобождения. Причем у меня нет желания доказывать, что я лучше, что тоже из себя представляю нечто особое. Это не так. Я обычный человек. Почему я что-то сверхъестественное должен? Кому?

Аркадий протянул длинную костистую руку через стол и положил мне на плечо.

– Ты ничего никому не должен, Стас. Уверю тебя. И я, кстати, не собираюсь знакомиться с твоей мамой, да и вообще не могу сказать, что меня сколько-нибудь интересуют исторические подробности и личности. Вернее, они меня интересуют – но с несколько неожиданной стороны. Я как раз из тех немногих, кто не так уж восторгается всем этим. Все это очень неоднозначно на самом деле. Мягко говоря.

Он убрал руку. У меня в голове шумело, будто мы выпили крепкого. Чего это я – из-за Марселы, что ли?

– Почему неоднозначно? – спросил я, чтобы отвлечься от собственного внутреннего мира, в данный момент мучительного.

– Потому что великие свершения обычно требуют великих жертв. И этот раз не был исключением. И сама череда революций, и первые годы СТК⁴. Ты ведь знаешь, что первый состав КБР⁵ – тогда КОБРа – был практически полностью расстрелян? Но после того, как они сами расстреляли... кто знает, сколько, кто считал? Десятки, сотни тысяч? Может быть, миллионы. Если считать еще высланных, посаженных, попавших в ЗИНЫ⁶. Но и после преобразования КБР не так уж сильно изменился. И наконец, так сказать, Освобождение... в котором, извини, уже принимала участие и твоя мать. Оно, конечно, освобождение. Вопрос – от чего. И главное – какой ценой. И согласились бы сами освобожденные платить такую цену, если бы знали заранее.

– Гм, – я ошеломленно посмотрел вокруг. Кафе «Тройки» было полно народу – справа за столиком смеялись три симпатичные женщины, одна, темнокожая, с волной каштановых кудрей, хохотала особенно заразительно. Слева сидела компания техников, какой-то парень рассказывал, похоже, анекдот. Двое научных ожесточенно спорили, размахивая руками. Очередь толкалась у стойки раздачи.

– Как-то я ни разу не смотрел на это с такой точки зрения... ну да. Конечно, революция требует жертв. Но что же теперь? Фарш невозможно повернуть назад. Это все уже прошлое...

– Но если прошлое не осмыслено, не извлечены уроки – оно влияет на настоящее. И оно может повториться! – наставительно заметил Аркадий.

– Не понимаю. Как конкретно оно влияет?

Аркадий вздохнул.

– Вот так, в двух словах... Да вот хотя бы один пример. Тысячелетиями люди формировали систему права. Кодексы, своды законов, уложения о наказаниях и о степени вины. КБР при всех его недостатках тоже должен был придерживаться хоть какого-то закона. А что теперь? Законов не существует, они полностью отменены! То есть в обществе воцарился беспредел.

– Но ведь существует Этический Кодекс! – возразил я.

– Но он не имеет силы закона, это набор рекомендаций. Каждый может толковать его так, как заблагорассудится. И что такое сейчас наша ОЗ? Общественная Защита! Да это по сути тайная карательная организация, способная кого угодно уничтожить, наказать как угодно без суда и следствия! – он взглянул на мое лицо и смягчился, – Я понимаю, что фактически такого не происходит, что это кажется преувеличением. Но суть остается той же – организация, которая не связана законом, не подчиняется закону, но имеет карательные полномочия. То есть,

---

⁴ СТК – Союз Трудовых Коммун, название всеобщего мирового государства, установившегося на Земле после полной победы социализма (фант.). Также СТК могут называть отдельные советы трудовых коллективов.

⁵ КБР – комитет безопасности революции, спецслужба, существовавшая в первые десятилетия после победы социализма (фант.), описано в книге «Холодная Зона».

⁶ ЗИН – зона индивидуализма, место наказания преступных элементов (фант.), описано в книге «Холодная Зона».

разумеется, эти полномочия имеет только совет – но ведь многое зависит и от самой ОЗ! Разве все это нормально? Мы вернулись к доисторическому миру, к сообществу кроманьонцев, где крикуны решали, кто виноват, и кому жить или не жить!

– Гм... – я не знал, что сказать на это. Определенный резон в словах Аркадия прослеживался. Но все это представлялось мне нелепым преувеличением.

– И это лишь один из примеров. На самом деле наше общество вовсе не так благополучно, как может показаться! И проблема наша – в том, что мы не учимся на ошибках прошлого!

Он коснулся виска – типичный жест человека, задействующего комм. У всех нас комм-нейроимплантат вживлен в височную кость, это практически еще один орган – не знаю, как люди раньше без него жили. Как будто без глаз и ушей. Чтобы работать с коммом, не нужно двигать руками – но машинально многие подносят палец к виску, такая привычка.

– Я кину на твой комм один файл. Это книга. Почитай на досуге, узнаешь много интересного.

– Угу, спасибо, почитаю, – я ощутил движение в собственном комме и мысленным приказом принял файл.

– И заходи почаще к нам на Тройку. Поговорим еще.

– Да, пожалуй, буду заходить, – искренне согласился я. В этот момент Аркадий показался мне, возможно, будущим другом. Странно – он так не похож на большинство, да и вообще человек не моего уровня – ученый, будущий директор. Но с ним почему-то легко. И интересно. Его слова... над ними стоит подумать.

Я выбрался в ангар и стал искать ближайший курсовик – маленький автопоезд, курсирующий меж станциями и базами Цереры.

Космос совсем не так красив, как кажется на фотографиях, сделанных с Земли. В Космосе мало цвета, преобладает чернота; во мраке – немерцающая звездная сыпь, иногда ослепительный фонарик солнца. В системе Юпа красивее – там над спутниками нависает сам гигантский шар Юпитера. На Марсе есть атмосфера, и там – цветные, желтые и красные пейзажи. А на Церере – сплошная тьма с белой россыпью созвездий и серая однообразная поверхность самой планеты. Тот ее крошечный кусочек, освещенный прожекторами, который не тонет во мгле.

Да, и в этом есть своеобразная красота. Как в штормовом море. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения». Иногда, стоя на открытке, думаешь, что вглядываешься в саму смерть. В черное ничто. Вакуум начинает казаться живым, агрессивным, чернильная тьма наползает, чтобы поглотить отчаянно горящий огонек жизни на планетоиде. И как хорошо бывает вернуться под купол, в комнатку, которую мы уже второй год делим с Вэнем, вспомнить, что нам ничто не угрожает, что оранжерея мощно вырабатывает кислород, которого хватает на всех, что воды под ногами – целая планета, мы всю Систему снабжаем чистой водой, что защитные контуры надежно берегут нас от метеоритов, что запасы еды и развлечений на базе почти неисчерпаемы, словом, мы, земляне, неплохо-таки устраиваемся даже на совершенно безжизненной поверхности малого космического тела.

Вэнь как раз на дежурстве. Нас четверо, смены восьмичасовые, это значит, что трое дежурят по очереди, а один – сутки на готовности. Сейчас на готовности я.

Обычно это ничего не значит. Но иногда надо куда-то вылетать. Работающий салвер все время должен быть в городке, но вызов может поступить и извне, с полей, из пространства. Не каждый раз бывают вызовы, конечно – но все же случаются.

Всегда надеешься, что в этот раз обойдется.

Я валяюсь на койке, на глазах очки-визор. Сериалы смотреть надоело, читать и вовсе не хочется. Интерактивки мне сейчас смотреть нельзя – слишком затягивает, а ведь я на готовности.

Палец двигается в воздухе, комм-нейроимплантат воспринимает это движение. Я сам не знаю, что хочу посмотреть. Фотки? На экран выплывает Марсела.

Я мазохистски вглядываюсь в картинку. Фоном – Нева, ростральные колонны. Марси сидит на корме вполоборота, лицо в брызгах, смеется, черные волосы – копной в небо. Пряменькая, маленькая. Меня поражало в ней совершенство – каждая часть тела, от маленьких ступней до ушек под пышной прической – такая аккуратненькая, строго очерченная. И сама Марсела – правильная, как будто с портала «Мы – будущее мира!» Активная, жизнерадостная, исполненная энтузиазма.

Марсела Ана Родригес. «Ты же понимаешь, мы разные люди. И пути у нас разные».

Кстати, не пора ли написать маме? Хотя я никогда не знаю, чего писать-то – жизнь у нас однообразная. Вот у мамы всегда что-нибудь происходит, всегда есть, о чем рассказать. Я провел пальцем в воздухе, вызывая почту. Приложил к горлу нейрофон – не хватало еще говорить вслух, как будто я псих. Конечно, Вэнь на дежурстве, но все равно.

Достаточно шевелить губами. Комм переводил колебания моей гортани в голосовое письмо.

– Мама, привет! Как у тебя дела? Что с ногой – надеюсь, ты съездила к врачу? Здесь нужен специалист, как я уже говорил. Как дела у Чарли? Ну в общем, расскажи, чем занимаешься и вообще. У нас здесь ничего нового нет. Вот вчера послушал хороший концерт, на Третьей станции, оказывается, подобрался отличный оркестр. Я подумываю, не начать ли мне опять заниматься музыкой...

Сигнал ударил по нервам так, что меня подбросило. Я поспешно движением пальца сохранил письмо, поднимаясь с койки.

– Стас, надо лететь! – Вэнь слегка запыхался, видно, уже бежал к ангару.

«Срочный вызов. ЧП, поле 16, координаты. Предположительно двое пострадавших. Отсутствует сигнал скутера».

Я уже натягивал скафандр. Поле 16 – где-то в области Оккатора, возле Содовых Озер. Двадцать минут лету, если быстро. Расположение полей давно уже могу воспроизвести в памяти без справочника, хотя вроде бы и не работаю на поверхности, а так, езжу туда-сюда, обслуживаю. Интересно, что же там случилось? На Оккаторе работают многие, там интересно, мало того, что Содовые озера, так еще Океан Пиацци недалеко. Настоящий жидкий океан глубоко под поверхностью. Вся мантия Цереры – сплошной водяной лед, но в этом месте происходит разогрев, благодаря глубинному криовулкану – здесь лед разогревается и образуется небольшая такая лужица настоящей жидкой воды, величиной с озеро Байкал, но с громким названием «океан».

Пять лет назад там нашли инопланетян – местные бактерии-анаэробы – и с тех пор половина Второй станции, Двойки, состоит из биологов.

Интересно, что там случилось? Я уже подхватил медрюкзак и выбежал в ангар. Наш медицинский скутер стоял полностью подготовленный к вылету, два киберга тихо возились у шасси. Я взлетел по лесенке в кабину. Вэнь сидел за управлением. Водить скутер обязан любой человек, работающий в Системе, хотя это, конечно, не настоящий космолет – но вдоль поверхности передвигаться на нем можно.

Наша машинка выкатилась из ангара на взлетку, резво побежала, и через несколько секунд уже оказался в черной пустоте, пробиваемой лишь светом бортогней. И мы, и поле 16 сейчас в зоне ночи, хотя, честно говоря, разница с днем не велика.

– Что там случилось-то? – спросил я Вэня.

– Вроде, скутер грохнулся. Двое пострадавших.

– Как мог грохнуться скутер?

– Хрен знает.

Да, кто его знает. Это Система. Не зря же, как напомнил Аркадий, работа в Системе повышает твой социальный статус так, что ты можешь занять место директора и вообще любого начальника. Но за это приходится платить повышенным риском. Как и за научное любопытство, конечно.

Мы молчали. Автопилот сам вел нас к шестнадцатому полю, к кратеру Оккатор – вскоре я уже мог разглядеть в темноте внизу и впереди белые огромные пятна. Это Содовые озера – гигантские пятна обычного карбоната натрия, видимые в телескоп даже с Земли. Загадка их появления до сих пор не решена. Поэтому на полях вокруг Оккатора работает множество ученых. А вот горы, окружающие кратер, я не видел – сплошная крошечная тьма. Из осторожности стоит поддерживать высоту не менее пяти километров – выше гор на Церере все равно нет. Впрочем, автопилот не позволит совершать глупости, а мы не профессионалы, чтобы его отключать.

Замигали лампочки связи – наш комп бесшумно обменивался информацией с другими летунами – на место ЧП мчались пилоты-спасатели. Прежде, чем спасти пострадавших, возможно, придется поднимать или извлекать скутер, нам вдвоем с этим не справиться.

Вэнь переключил на меня связь.

– Говори уже. Мы близко.

– Салвер-1, – представился я в микрофон, – прибываю через пять минут. Что случилось? Сколько пострадавших?

– Салвер-1, я Координатор, – послышался холодный женский голос, – посадка на восточную сторону, на четыре часа! Как понял?

– Координатор, вас понял, посадка на восток, четыре часа! К чему готовиться?

– Салвер-1, предположительно пострадавших двое. Ученые. Облет кратера по периметру, авария скутера. Падение с высоты 800 метров. Амортизация не сработала.

– Координатор, вас понял, готовлюсь к акции.

Теперь я видел место происшествия, ярко освещенное прожекторами. Два скутера спасателей уже сели, в центре виднелось что-то черное. Вэнь пытался, занимаясь посадкой – попробуй точно посади реактивную машину на нужный пятачок. Наконец скутер замер, вой турбины затих. Я скатился по спуску и прыгнул на реголит, оказавшийся здесь очень рыхлым – ноги ушли в него по колено. Вэнь заковылял к месту аварии.

Понятное дело, упавший скутер образовал яму, и в ней копошились спасатели, наверх протянули лестницу, двое стояли над ней. По лестнице тянули вверх на веревках чье-то тело. Мы быстро установили медпалатку, надули ее – скорее всего, потребуется снимать скафандр. Я включил свет внутри.

– Эй, доктор, принимай тело!

Пострадавшего свалили на твердые носилки, носилки задвинули в медпалатку. Я быстро загерметизировал вход, стащил верхние перчатки, чтобы можно было работать. Распахнул медрюкзак. Вэнь снял шлем с пострадавшей – девушка не старше тридцати, китаянка, я видел ее раньше, но не знал имени. Она дышала, но выглядело все плохо – из носа текла кровь, за левым ухом разливался кровоподтек, сознание отсутствовало. Снимать скафандр некогда, я резанул ножом по рукаву, обнажая руку девушки. Нам только подготовить ее к перелету – надо доставить на станцию, здесь мы ничего не сможем сделать. Я надел на плечо раненой два браслета – противошоковый сразу впился в кожу маленькими иголочками, те проникли к венам, и физраствор с глюкозой и несколькими лекарствами полился в кровь. Второй браслет выдал на мой комм информацию, я прикрыл глаза, считывая ее... Так, давление восемьдесят на сорок, пульс сто двадцать, объем крови... Кровотечение если и есть, то пока небольшое. Вэнь начал сканировать повреждения, я подключился к сканеру. Самое поверхностное обследование показало, что поврежден по крайней мере четвертый шейный позвонок, а возможно, и еще что-нибудь, судя по клинике – основание черепа. Сломана левая ключица и несколько

ребер слева, одно ребро пенетрировало брюшную полость, но сильного кровотечения там не было. Руки и ноги висели тряпочками, без малейших признаков тонуса – тетраплегия. Теперь самое главное – чтобы она дожила до станции! Я вызвал по радио Сай, которая теперь сидела на дежурстве.

– Лотос, я Окунь! Как слышно?

– Слышу тебя, Окунь! Что там? – Сай была уже в курсе происходящего.

– Готовься принимать пациентку, – я поспешно приматывал девушку к носилкам быстро затвердевающей пластиковой лентой, аккуратно фиксируя голову в одном положении, – фрактура це четыре, фрактура клавикула слева, подозрение на фрактуру основания черепа. Тетраплегия. Все данные отправляю тебе.

– Противошоковый капаете?

– Ну конечно. Кровопотеря небольшая пока. Но разрыв брюшины.

– Я готовлю операционную и бужу Кристи.

– Да, обязательно. Сейчас второго будем смотреть, конец связи.

Я вывел мониторинг пострадавшей на мини-экран носилок. Пока все нормально. Это еще не агония, хотя и стабильным состояние не назовешь. Вопрос в том, как быстро развивается отек в области мозгового ствола – с полевым сканером этого не поймешь, а даже если и поймешь, то сделать ничего не сделаешь. Я только теперь стал слышать другие голоса – хотя они все это время орали у меня а наушниках.

– Серый, ты что-нибудь понял?

– Не-а... Весь блок управления разворотило начисто. Но это не при падении!

– Я знаю, что не при падении! Это ответ – почему они упали!

Я взглянул на девушку – пока все нормально. А начни она умирать у нас на руках – что я сделаю? Надо срочно оперировать, причем я сроду ничего подобного не делал, и Вэнь тоже. Но Сай справится, у нее специализация и опыт. Надеюсь, девочка доживет до станции. Черт возьми, где там второй?

Я наклонился к микрофону в ворота.

– Эй, спасатели, что там у вас? Где второй?

– Расслабься, – ответил мрачный голос координатора, – второй уже все.

– Иди, посмотри, – буркнул Вэнь.

Я еще раз бросил взгляд на мониторинг – пока все нормально. Натянул перчатки и шлем, выровнял давление в шлюзе и вылез наружу.

– Что с девушкой? – спросил меня один из спасателей.

– Плохо, – ответил я коротко, – дай глянуть.

Подтвердить смерть – наша обязанность. Через скафандр не всегда просто понять, мертв ли человек.

Второй бедолага лежал на носилках, и уже при первом взгляде я понял, что спасатели все верно оценили и без меня. Скафандр погибшего был поврежден, через всю грудь проходил глубокий кровавый разрыв, а вот голова в шлеме осталась цела. Правда, сам шлем треснул – но видимо, давление в нем сохранялось. Я подошел и наклонился над мертвым.

Вздогнул и снова выпрямился.

Открытыми желтыми тигриными глазами на меня смотрел планетолог Аркадий Дикий. В глазах застыл нечеловеческий ужас.

Детство. Станислав Чон. Испания, 018 год КЭ.

Никакого шторма на море не было, наверное, потому и никто из взрослых не тревожился. Подумаешь, обычный ветер. Волны захлестывали наш катерок, поднимали вверх, швыряли в бездну, так что в животе ухало, как при невесомости. Это было здорово. Марси повизгивала и цеплялась за поручни. Костя держался за руль, изображая несокрушимо хладнокровного

капитана. Мне было безотчетно весело, и мы без особых проблем дошли до Исла-де-Тормента. Остров с громким названием был на самом деле маленькой скалой, почти лысой вершиной, торчащей посреди моря, как чья-то голая задница. Костя так и высказался, что безумно разве-селило Марселу. Кстати, раньше, лет сто назад, чуть ли не до войны еще, это был настоящий, нормальный остров, там жили люди, но потом уровень мирового океана повысился. Над водой осталась лишь одна, самая высокая из вершин островка.

При такой волне подойти к берегу оказалось непросто, Костя заходил три раза – и снова нас относило в море. Но наконец он подошел достаточно близко, я спрыгнул в воду и пришвартовал катерок к бетонной плите, служащей здесь причалом. Волны окатывали меня с головой и норовили утащить вглубь, не очень-то приятно. И когда мы вылезли и пошли к вершине, Костя продолжал острить, а я молча кукожил, мокрый до нитки, ветер прохватывал меня насквозь. Впрочем, небо быстро потемнело, дождь полил потоками, скоро мы ничем не отличались друг от друга, и, наверное, втихомолку каждый жалел, что мы вообще ломанулись кататься в этот день по морю. Просто завтра уже собирались обратно, на Урал, и как-то жаль было уезжать, не попрощавшись с морем как следует.

Нам стукнуло по четырнадцать, и мы приехали в Испанию на школьно-научную конференцию биофизиков. Мы трое давно стали неразлучны: и работали в одном отряде, и биофизикой все трое увлекались, и хулиганили вместе, и развлекались одинаково. Костя в нашей троице был главным. Он руководил нашим проектом по биофизике, ему принадлежала основная идея, Марси делала техническую часть, компьютерную – она в этом здорово разбиралась. Ну а я так, на подхвате. Примерно так же распределялись роли у нас всегда. Костя был талантлив буквально во всем, Марси – в технике, а я ничем особенным не выделялся, но в компанию вписывался хорошо.

Был последний день на теплом Средиземноморье, и хотя выдался этот день совершенно не солнечным, мы хотели использовать его по полной.

Вот и использовали.

Никакой серьезной защиты мы с собой, конечно, не взяли – зачем, просто покататься хотели. Дождевики вмиг превратились в бессмысленные тряпочки – ливень был не просто как из ведра, а буквально как из гигантского бесконечного шланга, как будто небо на нас опрокинулось, даже дышать между струями воды было трудно. Костя еще заметил, что, мол, купаться сегодня не получилось, так хоть душ примем как следует. Но потом он скис. И только Марсела бодро и энергично перла к вершине, как будто дождик ей совсем не мешал.

Мы не знали, что это лишь начало злоключений. Когда добрались до вершины, дождь поредел. Мы рассчитывали на красивый вид, но ничего видно не было – серая морось во все стороны. Млякоть, как говорила моя мать. Ну хотя бы осталось гордое сознание достигнутой цели. Решили добраться до Острова Бури и залезть на вершину – и сделали. Хотя и без ожидаемых удобств. Я опустил на глаза очки, настроил окуляр, пытаюсь найти внизу наш катер. И похолодел.

Я нашел катер. Канат, как видно, оборвало – как так получилось, не понимаю, вообще-то графенки⁷ не рвутся. Может, я пришвартовал плохо? В любом случае катер болтался в бухте метрах в ста от берега Торменты.

– Млин! – вырвалось у меня. Ребята, конечно, обернулись. Я молча махнул рукой на бухту и ждал, пока они настроят свои окуляры.

– Ой, как неудобно! – вздохнула Марсела. Я понимал ее. Вызывать Патруль, конечно, придется. Они даже ничего не скажут – мало ли что случается. Но плохо, когда ты школьник, вот если бы взрослые балбесы заплыли в такую погоду и застряли на острове – никто бы слова

---

⁷ Графен – двумерная аллотропная модификация углерода, образованная слоем атомов углерода толщиной в один атом. В описываемое время из него создают, в частности, сверхпрочные канаты, которые персонаж называет «графенками» (фант.)

не сказал. Это же работа спасателей. А раз мы школьники, обязательно косо посмотрят – мол, идиоты малолетние.

Я молча послал с комма сигнал вызова. Вызов был принят.

Но голосовой связи не было – то ли не принято у них, то ли плохо связь работала в бурю.

– Может, к берегу спустимся? Спасатели, наверное, с моря подойдут, – предположил Костя.

– Думаю, скорее на вертушке, – возразил я, – но можно и спуститься. Здесь ветер сильный.

Я пошел первым, за мной Марсела, и это было хорошо, потому что периодически на трудных участках спуска я останавливался и подавал ей руку. И она принимала помощь. Костя угрюмо полз за нами. Потом спуск стал пологим, и мы свободно пошли по тропе. Дождь усилился вновь, так что нам было не до разговоров – за ревом моря и ливня мы друг друга и не слышали бы.

А потом я заметил, что вода доходит нам уже до щиколоток.

С горы бежали ручьи, и всю тропу залило водой. Сначала вроде это было нормально, но сейчас мне показалось, что вода как-то слишком быстро прибывает. Да, слишком быстро! Еще несколько шагов – и вода дошла до колен.

– Остров заливает, – отрывисто сказала Марсела, повернувшись к нам, – пошли обратно! Бежим!

Она была права. Мы побежали наверх, хлюпая ботинками, выдирая ноги из воды. Мне стало по-настоящему страшно – но показывать это, конечно, нельзя. Да и чего бояться? Даже если море накроет остров, хотя бы вершина останется. Да и не может быть такого подъема внезапного, с какой стати?

Мы ведь смотрели прогноз – ожидалась только качка. И куратор ничего не сказала, а ведь она за нас отвечает, было бы хоть что-то опасное – нас бы не отпустили.

Но в то время ветры все еще были непредсказуемы – природа продолжала бушевать. Вода рвалась к вершине быстрее нас. Временами мы оказывались почти по пояс в соленом потоке. Костя с перепугу убежал вперед – у него сразу открылось второе и третье дыхание. Я в какой-то момент взял Марселу за руку – она гораздо ниже ростом, маленькая совсем, и сейчас вода доходила ей до груди. Я потащил девочку за собой.

– Ничего, не бойся! – крикнула она, – сейчас спасатели...

Я не расслышал конца фразы. Мы наконец убежали от потока – вода стала ниже, ниже, и вот мы оказались на сухом месте.

На самой вершине. На сухом пятачке диаметром всего около ста метров.

Сколько времени прошло, интересно? Сколько нужно спасателям? Я прикрыл глаза и глянул на комме. Пятнадцать минут... а вот сколько им здесь нужно – я даже не представляю. У нас на Урале они бы уже прибыли. Но может, не мы одни сейчас в таком положении? Непредвиденная буря – а сколько лодок оказалось в море?

– Вода прибывает, – хрипло произнес Костя. Я глянул на него – лицо друга страшно побледнело. Он был прав: набегающие волны зримо сокращали оставшийся пятачок суши.

– Не бойся! – Марсела положила руку ему на плечо, – Нас заберут!

Костя отшатнулся. Его лицо исказилось.

– Да отстань от меня! – закричал он, – Отвяжись! Какого дьявола мы вообще пошли в море! Катер... это все он!

Он ткнул в меня.

– Идиот! Даже привязать нормально не мог...

Я хотел объяснить ему, что даже если бы катер и оставался на месте, шансов попасть к нему у нас уже не было. И как раз хорошо, что мы заранее вызвали спасателей, увидев, что катер отнесло. Но объяснять что-либо было бесполезно, Костя впал в истерику. Такое у него

тоже бывает, хотя видали это только мы с Марси – но Костя такой классный, что ему можно простить все.

– Костя! – Марсела встала перед ним, маленькая, и как всегда, бесстрашная и спокойная, – ну прекрати! Все будет хорошо, слышишь?

Я осматривался вокруг. Должно же быть что-нибудь, ну хоть что-нибудь, что поможет нам? Марсела так убеждена, что спасатели придут вовремя – а вот я в этом сомневался. Слишком уж быстро сокращалось сухое пространство. Любое умение плавать в такую волну не спасет. Я повернулся к Марселе.

– Осмотрюсь тут. Вдруг что-то найду полезное.

Она кивнула. За Костей, похоже, нужен был присмотр. Я никогда его таким не видел – он совершенно потерял контроль, орал что-то несвязное, по лицу текли слезы. Ладно, пусть его... не до того сейчас. Я быстро пошел к группе валунов неподалеку – не представлял, что это даст, но мало ли? И оказалось, что пошел не зря – из камней торчала вершинка мачты лазерной завесы.

Какая же это древность... Еще из тех времен, когда между Союзом Трудовых Коммун и оставшейся частью мира, «Фри трейд эреа», была выстроена непроходимая стена, граница. Я смутно знал, что она проходила и где-то в этих местах. Установка автоматического огня, вот что это такое. Вряд ли, конечно, она еще стреляет. Но может быть, жива автоматика. Я спустился в выемку, осмотрел цоколь установки. Какие-то рычаги. Я потянул за один из них, и антеннка задрожала и стала вытягиваться.

Ага! Я угадал, значит. Понятно, что установка должна находиться на значительной высоте. Саму турель, конечно, давно сняли. А вот мачта осталась. И она довольно прочная – человека, во всяком случае, выдержит.

Я поднялся и осмотрелся. Сухое пространство на вершине зримо сократилось. Марсела с Костей скукожились в центре.

– Эй, идите сюда! Быстро!

Они подбежали. Я сказал Марселе:

– Ну-ка, вставай сюда! Держись.

Она вцепилась руками в мачту и встала на перекладину. Я снова задействовал рычаг, и мачта поехала вверх. Это реальная надежда! Так высоко море по-любому не поднимется, не цунами же у нас. Костя вскочил на следующую перекладину, и я подтянул рычаг снова.

– Стас! А ты как же? – крикнула Марсела сверху.

А как я... Все дело в том, что рычаг нужно держать, чтобы мачта продолжала выдвигаться. Там что-то сломалось, и он не фиксировался сам. Поэтому подняться у меня примерно столько же шансов, как вытащить себя за волосы из болота.

– Я сейчас, тоже! – крикнул я ей успокаивающе. Марсела у нас героиня. Узнает правду – нырнет в воду, чтобы спасти меня.

Поэтому я тянул рычаг до последнего. Теперь можно и отпустить. Мачта уехала далеко в черно-серое небо. Где-то там, на верхней перекладине, как флажок, торчала красная курточка Марселы. На следующей замер Костя, обхватив мачту руками и ногами. Метров десять высоты, не меньше. Мой комм выдал сигнал на височную кость. Увы, это не спасатели.

– Стас, ты где? – спросила Марсела.

– Я чуть ниже тебя. На мачте.

Интересно, может ли она разглядеть, что внизу? Я рассчитывал на то, что не может. И видимо, оказался прав.

– Надеюсь, они скоро прилетят, – раздался голосок Марселы, – холод собачий!

– Придется потерпеть, – ответил я. Ближайшая перекладина была над моей головой метрах в пяти. В принципе что я, по канату лазать не умею? Я схватился за мачту, подтянулся и тотчас съехал вниз. Очень скользкая мачта, мокрая. Гладкая, сволочь.

Море прибывало быстро. Вода уже подступила к валунам. Я в последний раз глянул вверх, разглядел с трудом силуэты ребят, прижавшиеся к мачте. Мной овладело удивительное спокойствие. Как будто тот факт, что опасность была отведена от товарищей, как-то спасал и меня самого. Какая разница, что будет со мной. Главное, что их все-таки вытащат. А глупо вот так погибнуть. Я вскарабкался на валун. Теперь я на одном уровне с вершиной острова. Может, смогу какое-то время продержаться на воде... а может, например, держаться за мачту и подниматься вместе с водой? Да, это может быть шансом. Я сам в это не особенно верил. Уже вымотался, а волны требуют столько сил и внимания...

Тут я подумал о матери и о том, что будет с ней, и как она вообще это переживет. Ну нельзя заводить единственного ребенка, да еще так поздно, да еще вся эта история с отцом...

Волна накатила на меня и облила с головой.

Я вцепился в мачту. Сдаваться? Черта с два. Я буду держаться до последнего. Ужас пробирал до костей – море, древний, хтонический зверь, собиралось пожрать меня, утащить в свои бездонные глубины. Теперь я сам внутри был как Костя и готов был плакать, орать, обвинять даже... ну уж нет, не буду я на это тратить силы. Я буду держаться за мачту, и...

И вот тут случилось странное. Похоже, что бред от страха.

Сначала – ровный ряд огоньков. Цветные огоньки в воздухе рядом со мной, как будто обрамляющие небольшую платформу. И на этой – невидимой, в огоньках, платформе, сидел человек – не в защите, не в форме спасателя, вообще ни в какой не в форме, а в чем-то белом. Он сидел, скрестив ноги и улыбался. Вот это было самым диким – он улыбался. И еще, это я не понял сразу, а только зарегистрировал мозгом – его лицо само светилось, как фонарь.

И тут волна мощно нахлынула на меня, рванула и понесла. Мои руки ослабели, мачту вырывало из ладоней. Но тотчас чья-то рука перехватила мое запястье и потянула вверх.

Я забарахтался и вцепился в край... плота?

Он взял меня за шкирку и втащил наверх, словно котенка.

Я лежал на невидимой, но прочной поверхности. И от нее поднималось тепло, быстро высушивая меня, одежду, волосы. Потом я заметил, что эта невидимая поверхность слегка светится. Здесь не было дождя. И не был слышен шум моря.

Я сел. Мой спаситель сидел все так же неподвижно. Теперь я мог разглядеть его как следует – и не мог отвести глаз.

Все в нем было обыкновенно. Белая хламида неопределенной формы. Нормальное лицо, нос картохой, светлые волосы. Вот только глаза. Таких глаз я никогда не видел. И не мог бы описать. Были они большие? Светлые или темные? Кажется, все-таки светлые, зеленые, что ли – точно я не скажу.

Но вот их выражение, их свет... Мудрость? Понимание? Сочувствие? Опыт тысячелетий? Все вот это сразу приходило на ум. Оторвать взгляд невозможно. И я молчал, словно язык проглотив. Он заговорил первым.

– Все хорошо. Не бойся, Станислав.

Я немного пришел в себя.

– А... Марсела, Костя... ребята...

– У них все будет нормально. Их заберут через пять минут, – заверил меня спаситель.

– А... я.. вы?

– И у тебя все будет хорошо. А могло быть плохо. Ты не удержался бы за мачту.

– А кто вы? И что это за? – я указал на платформу. Как будто невидимый, в огоньках, плот, висящий прямо в воздухе. Вроде сейчас разрабатывают гравитационный двигатель. Это оно?

– Это неважно, кто я, – усмехнулся человек, – гораздо важнее, кто ты. Знаешь, кто ты, Станислав Чон?

– Ну... конечно. Я же не свихнулся пока.

– Ты очень важный для будущего человек. Это просто такой факт. Учти его. Ты настолько важен, что нельзя допустить, чтобы ты умер.

– Все же умирают.

– Конечно. Но не в четырнадцать лет.

– Все важны.

– Да, конечно. У тебя все будет хорошо, Станислав.

Он поднял голову, и я тоже. Над нами рокотал вертолет. Спасатели снимали с мачты моих товарищей. Наша платформа стала медленно подниматься. Я подумал, в какое изумление все придут, когда увидят эту штуковину. Это же супертехнологии какие-то. Не зря он говорит о будущем.

Он поднялся. Положил руку мне на плечо.

– Не забывай меня, Станислав. До свидания!

Я сам не понял, как очутился внутри вертолета, на полу, рядом с моими мокрыми и полужамерзшими друзьями. А я уже был сух, согрет и больше не трясся от ужаса. Салверы передавали нам сухую одежду, одеяла и горячее питье. Марсела переодевалась без всякого стеснения. Впрочем, мы не в первый раз были в ситуации, когда стеснение смысла не имело. И ночевали втроем в одной палатке, и вообще всякое бывало.

Она взглянула на меня.

– Стаська, ты же нас спас! Если бы не ты...

– Да ладно. Мне просто случайно попалась эта мачта.

Спасатели потом спрашивали, откуда я, собственно, взялся. Мои друзья считали, что я тоже висел на мачте, и меня сняли потом – но для спасателей я внезапно появился на пороге вертолета, сухой и чистый. Объяснить правду я не мог. Рассказывать про типа в белой хламиде с глазами древнего бога – ну извините. Пришлось прикинуться, что я в шоке и ничего сам не понимаю.

Так до сих пор и не знаю, что это был за тип. Но он сказал мне «ты важен для будущего». Я? Да ведь все важно для будущего, нет же каких-то особых людей – так, что одни более необходимы, а другие менее. С другой стороны, Костя и Марси и так были спасены, а я бы погиб, так что очевидно, этот мистический спасатель просто решил спасти и мою жизнь, а заодно репутацию испанских педагогов – что они пережили бы, если бы погиб подросток, приехавший на конференцию?

Но что это за таинственный тип? Я часто думал обо всем этом. Может быть, это была галлюцинация – только она не объясняет, почему я остался сухим и вообще выжил. Я помню изумление спасателей – оно точно не было галлюцинацией.

Я никогда никому не рассказывал об этом. Даже в качестве байки. Во-первых, примут за сумасшедшего, во-вторых, не хотелось бы, чтобы Костя с Марси узнали, что я едва не погиб тогда. Тем более – чтобы узнала мать. Но я много думал о моем странном спасителе. Кто он? Может, какой-нибудь религиозный персонаж? Да вроде не похож – я даже специально ознакомился с религиозной мифологией.

В конце концов я пришел к выводу, что тот человек явился к нам из будущего. Перемещения во времени еще недавно считались абсолютно невозможными, но сейчас квантовая теория уже подходит и к этому, казалось бы, неразрешимому барьеру. Конечно, до постройки машины времени еще очень далеко, но это не значит, что ее не построят никогда. Он из будущего – это наиболее вероятно.

Хотя с годами все это стало казаться мне полным бредом – вместе с ребятами мы вспоминали о пережитом приключении на острове Бури, а вот фантастическое спасение помнил только я – было ли это реальностью, кто знает?

Станислав Чон, Церера, 032 год КЭ.

Глава 2. Похороны. Книга Цзиньши

В операционную Сай меня не пустила. Она сказала, что уже имела дело с основанием черепа. Кристина ассистировала ей, Вэнь готовил интенсивную палату. Меня отправили отдыхать.

Отдых – дело серьезное. В данной ситуации это долг – если придется сменить кого-то из товарищей, я должен быть свежим. Меня трясло, но принимать какие-либо медикаменты сейчас нельзя – мало ли что от меня потребуется! Я бы предпочел работать, но раз работы пока нет, надо отдыхать. Хотя бы лечь и закрыть глаза, даже если зубы выстукивают дробь. Я выпил стакан горячего чаю и лег.

Только теперь я вспоминал крики техников: «Серый, ты понял? – Весь блок управления разворотило начисто!» Обратно в скутере я летел рядом с раненой, Вэнь контролировал автопилот, я следил за показателями, добавлял катехоламинов в мешок капельницы и слушал нервные переговоры спасателей по радио.

- Главное – черный ящик.
- Да, прослушаем – ясно станет.
- Не мог он так упасть... просто не мог.
- Ты соображаешь или нет?
- Техники балду гоняли...

Вообще странно. В самом деле, скутеры – штука надежная, просто так они не падают. На Земле бывают погодные условия и все такое – но здесь условия всегда одинаковы. За полтора года работы я ни разу не сталкивался с таким. Катастрофы случались, осталась пара трупов и в моей памяти – но не так. Один провалился в расщелину, помнится. Другая – биологиня – ушла в Океан, оборвался трос, она потерялась, у нее кончился кислород; тело позже извлекли из моря. И все другие случаи, когда я летал на вызовы, были связаны с чем угодно, но не с аварией техники. Хотя один раз в ровер прилетел метеорит, тоже случайность. На Второй Базе однажды робот вышел из строя, упал и резаком поранил рабочего. Программный сбой. Но скутеры... Они не выходят из строя просто так.

Видимо, как я понял из отрывочных реплик, скутер развалился прямо в полете. Да и понятно – куски были рассеяны по большой площади, а если бы машинка просто упала, при тамошней мягкой почве осколки никак не могли разлететься далеко – он лежал бы в яме целиком, да и яма была бы куда глубже.

Вот отчего у меня сейчас стучали зубы. Да, Аркадия очень жалко – я даже еще не задумался о его смерти; талантливый, интеллигентный человек... будущий директор астроцентра. Да, жалко и молодую женщину, которой в самом лучшем случае предстоят годы восстановления. Возможно, нейропротезирование спинного мозга. Если она вообще выживет. Но черт возьми, это наша работа, я умею дистанцироваться от переживаний. Не в них дело.

Дело в том, что произошло что-то странное. Но что? – Халатность техников...

Почему-то все казалось мне сейчас таким ужасным, что хотелось отмотать время на два часа назад. Когда все в мире было еще спокойно.

Цзиньши, «Черное время»

«Разным, но не всем будущим временам я посвящаю эту книгу».

Этими словами великого писателя двадцатого столетия Хорхе Луиса Борхеса я предвещаю свое повествование, дорогой читатель. Я знаю, ты не поверишь мне.

Живущие в антиутопии никогда не верят, что их мир – ужасен.

Я попытаюсь достучаться до твоего сердца, читатель. Я скажу на том языке, который тебя приучили понимать: наша цивилизация, земная цивилизация в большой опасности. Тебе решать, игнорировать это предупреждение – или постараться хоть что-то предпринять.

Я знаю, сейчас ты уже спрашиваешь себя: отчего же автор не пошел обычным путем? Отчего не обратился в свой Совет трудового коллектива или в Совет более высокой ступени? Отчего не инициировал общественную дискуссию? Я горько смеюсь в ответ твоим мыслям. Ты привык решать все проблемы обращением к тому, что считаешь обществом. Но настоящие проблемы никогда не приходят тебе в голову. Потому что ты сформирован особым образом. Ты кондиционирован для жизни в этой замкнутой среде.

Но ты уже читаешь эти мои строки, и значит, ты не безнадёжен. Ты просыпаешься.

Опасность, которая грозит нашей цивилизации, – не пришла извне. Эта внутренняя опасность сродни душевной болезни, которая пожирает мозг – а больной даже и не подозревает, что здесь что-то не так.

То, что нам грозит, – духовная гибель. За которой неминуемо последует и физическая».

Я покачал головой. Кажется, автор бредит. Кажется, у него расстройство личности – уже по напыщенному стилю можно ставить диагноз.

До сих пор у меня так и не дошли руки до файла, подаренного Аркадием. Раненую девушку – её звали Сян Линь – отправили на Марс вчера. До самой отправки мы сидели рядом с ней – все втроём, кроме дежурного. Необходимости такой не было, конечно, мы распределили дежурства, достаточно было бы одного салвера. Но нас как магнитом тянуло в палату, где лежала в искусственной коме несчастная девушка-планетолог. Сай успешно провела операцию, но состояние Линь оставалось стабильно тяжелым. Я не мог думать ни о чем другом. Подрагивали цифры и графики на мониторах, мы молчали, глядя то на приборы, то на бледновосковое лицо пациентки. Временами кто-то из нас вставал, обтирал ватным тампоном лицо Линь, поправлял руку, очищал и увлажнял полость рта. В общем, хотелось делать хоть что-нибудь. И уйти было невозможно. Тем более, что временами Линь начинала умирать, и мы быстро, лихорадочно решали, что ей ввести. За трое суток я поспал от силы часов десять – не подряд, конечно.

Вчера наконец пришел с Марса спецрейс с медицинской капсулой. Просто так в пассажирском, даже в медотсеке отправлять Линь было нельзя. Прилетели две врачихи-нейрохирургини, осмотрели Линь, поговорили о чем-то, не глядя на нас – конечно, они специалисты, а мы всего лишь салверы. Впрочем, с Сай они благосклонно побеседовали, та разъяснила им свои действия, и врачихи одобрили ее. Затем они укатали капсулу к себе на корабль. Мы, все четверо проводили их до выхода и молча наблюдали, как закрывается шлюз.

На Церере врачей нет. Уже давным-давно врач – фактически ученый, лечит он самые сложные случаи, привлекается для консультаций, если салверы не справились. Обязательно имеет узкую специализацию. На космической станции, где в общем-то все здоровы, врачи ни к чему.

Мы – не врачи, а салверы. Еще до Освобождения и создания всемирного Союза Трудовых Коммун наша профессия приобрела это название, бог весть, кто его придумал. Происходит оно сразу от двух латинских слов – здоровье (salus) и спасать (salvare). Изначально профессия эта объединяла тех, кого в еще более древние времена презрительно называли «средний медперсонал» – медсестер, фельдшеров, акушеров. Сразу предполагалось, что работать салверы будут самостоятельно, что образование им будет даваться весьма серьезное, что они смогут сами ставить диагнозы и даже лечить в простых случаях (так, как это уже и было к тому времени во многих странах в отношении медсестер или, если такая специальность была, фельдшеров).

В наше время салвер учится профессии пять лет, усваивая – благодаря нейростимуляции, конечно – значительно больше информации, чем усваивал врач лет пятьдесят назад. С подробными знаниями о человеческой анатомии, физиологии и биохимии, патологии, с умением провести элементарную операцию по удалению аппендикса или желчного пузыря, ну разумеется, трахеотомию, или принять даже осложненные роды. Если салвер дальше специализируется на хирургии, он вообще может проводить чуть ли не любые стандартные операции – лишь для сложных и необычных случаев требуется врач. Да и врачи – те же салверы, только после пяти лет института они еще три года учатся в аспирантуре. Я бы тоже мог учиться дальше – просто не захотел.

И многие не хотят. Салвер работает с пациентом непосредственно, близко. Элементарный уход сейчас осуществляется не полностью автоматически, но с помощью управляемых киберов, быстро и беспроблемно; он не составляет труда, и салвер организует его самостоятельно. Никаких «нянечек» и «сиделок», как это было во времена отчужденного труда, у нас нет. Салвер в общем-то делает то, ради чего люди и идут в медицину, – работает непосредственно с больным, помогает людям. А врач... для этой профессии нужно иметь научный склад ума. Работать больше с машинами и символами, чем с человеком.

Нас много. Это простая работа, но ты все время ощущаешь себя нужным. Это хорошая работа. Я никогда не жалел, что пошел в салверы.

На следующий день были назначены похороны Аркадия. Распоряжения на случай смерти он не делал, и поэтому тело захоронили обычным образом, в грунте Цереры. Я не знал, ждет ли его кто-то на Земле, есть ли родственники или друзья, которым хотелось бы посещать могилу. Но без специального завещания, сделанного заранее, тела погибших на Землю не посылают – отправка тоже отбирает топливный ресурс. Мне казалось, что Аркадий не хотел бы лежать на Церере. Ведь он и попал-то сюда скорее случайно. Но возразить я ничего не мог – не находил весомых аргументов.

Вся Тройка выстроилась перед импровизированным «кладбищем» на поле 44. В народе это место прозвали Пантеоном. Здесь уже разместились одиннадцать могил, одиннадцатьobelisks тех, кто погиб при освоении и исследовании Цереры за три десятилетия. Причем это были не все погибшие – тела пилотов по традиции отправляли в вечное плавание в Космос, некоторых по личному завещанию все же увозили на Землю или Марс.

Трехдневный мониторинг у неподвижного тела Линь вымотал нас всех. Но ребята тоже пошли хоронить Аркадия. Почему-то этот случай казался нам не чужим – может, из-за Линь, коллеги погибшего, а может потому, что и Аркадий ощущался как пациент – мы просто не успели. Может быть, ребята почувствовали, что мне нужна поддержка, ведь у меня-то была причина идти на похороны, я знал Аркадия лично. Так или иначе, мы стояли вчетвером, и Кристина сочувственно сжимала мою ладонь, хотя сквозь толстые перчатки наших скафандров это пожатие почти не ощущалось. Сдержанные азиаты Сай и Вэнь просто стояли рядом. В Системе сложились свои похоронные традиции – странная смесь из традиций разных народов, революционных обычаев и новых, космических. Мы с Кристиной надели на рукава черные повязки, Сай и Вэнь – белые, как принято в Восточной Азии. В наушниках гремел оркестр Тройки – играли традиционную со времен Освобождения Песнь Павших. Странно мажорная, хотя в то же время и скорбная музыка, я старался не проникаться ею, она усиливает тоску, а рыдать в скафандре не очень удобно. Небольшим взрывом уже была подготовлена могила в грунте, туда опустили белый пластиковый гроб. Начальник Тройки Раджниш что-то пробормотал о «безвременно погибшем герое», о «весомом научном вкладе» и «останется в наших сердцах». Киберы стали быстро и неторжественно засыпать могилу реголитом, а потом мы перешли в кантину Тройки, где стояли столы и закуски. Зал украсили белыми цветами, венками – все искусственное, разумеется, и красными флагами с черной ленточкой наверху. Я взял

каких-то закусок, но еда не лезла в горло. Только теперь я полностью осознал случившееся – до того забота о Линь не давала мне по-настоящему прочувствовать гибель Аркадия. И снова захотелось отмотать время на три или четыре дня назад... О Галактика, а ведь все было так хорошо. Так спокойно.

Кристина заглянула мне в глаза.

– Стани... ты хорошо его знал?

– Нет, – пробормотал я, – нет. Мы только один раз разговаривали.

В самом деле, почему меня так накрыла его гибель? Не был Аркадий мне близок. Я ничего о нем толком не знал. Но почему-то видел перед собой тигриные небольшие глаза и слышал спокойный высокий голос: «Великие свершения обычно требуют великих жертв. И этот раз не был исключением».

Он слишком выделялся. Он знал что-то, чего не знают другие.

И еще он был умен. Мне бы так хотелось поговорить с ним еще разок.

Но теперь уже не получится.

Коричневое лицо Кристины, все состоящее из шариков – круглые щеки, круглый подбородок, большие черные глаза чуть навывкате – смотрело на меня с тревогой.

– Ты слишком устал, Стани. Тебе бы выспаться надо.

Цзиньши, «Черное время»

«А нужно ли было народам Европы Освобождение?

Освобождение – от чего? Марксизм возник во времена оголтелой эксплуатации, когда чумазые, вечно голодные рабочие стояли по 14—16 часов у станка, и не могли позволить себе мяса хоть раз в неделю. С тех пор человечество ушло далеко вперед, и того капитализма, того классового противостояния, которые описывал Маркс, не существовало уже и до войны.

Эксплуатация? Угнетение? Работающий гражданин Федерации не понял бы этих слов. Не понял – и не понимал, когда коммунисты пытались ему это объяснить. Автоматизация достигла предсказанных пределов, значительная часть «угнетенных» стала просто не нужна, однако не сбылись и мрачные предсказания: государство позаботилось о них, создавая искусственные рабочие места, обязывая предпринимателей их создавать. Там, где можно поставить автоматический конвейер, стояли пять человек, собирая детали и упаковывая изделия. Эти места были желанны, к работе стремились. Многие трудились, не получая денег, ради социализации, ради поднятия своего общественного рейтинга, и лишь после набора определенных очков, стажа, достижения мастерства начинали получать зарплату в дополнение к безусловному основному доходу – БОДу.

БОД был введен вскоре после войны и распространялся на всех, получивших хотя бы вид на жительство в Федерации, не говоря о гражданах. Может быть, жизнь в рамках безусловного основного дохода была нищенской, тяжелой? Вовсе нет. БОД включал оплату достойного жилья – не менее 30 квадратных метров на человека, полноценного питания, да и на мелкие грешки, вроде сигарет и пива, денег хватало с избытком. Кроме того, в БОД входило подключение к интернету, онлайн-игры и интерактивки. Хлеба, зрелищ – всего в избытке. Можно немного откладывать, чтобы раз в год съездить в отпуск, попутешествовать. И кроме этого, БОД-гражданин получал бесплатное медицинское обслуживание и обязательное психологическое сопровождение. Его приглашали на бесплатные курсы повышения квалификации, ему помогали найти достойную работу.

От чего коммунисты собирались освобождать граждан Федерации?

Разумеется, оставалась еще Зона Развития. Но жителей этой зоны, которая, к слову, постоянно сокращалась, необходимо было кормить, лечить, учить. Но никак не освобождать – они и так были свободны и не знали, что делать со своей свободой: каждый из них рвал

жили, чтобы устроиться на одно из предприятий их зоны. И готов был трудиться до полной потери сил, лишь бы только не потерять рабочее место; предложить этим людям «освободиться от угнетателей» мог только сумасшедший. Они готовы были из кожи лезть, лишь бы их немножечко поугнетали – а заодно дали бы выжить им и их семье. И заметим, количество предприятий в ЗР росло, все большее число голодных обеспечивалось работой и пропитанием.

Смотреть на это из нынешних благополучных времен, возможно, жутко. Но ведь тогда и Союз Трудовых Коммун представлял собой не лучшее зрелище. В крупных центрах все были обеспечены, но обязаны работать, БОДа не было. Что касается заброшенных зон, до них еще не доходили руки – радиоактивность, эпидемии, даже смерти от голода были далеко не исключением. Их жители, так же, как жители ЗР, были тогда еще предоставлены сами себе. То есть принципиальной разницы между СТК и Федерацией по сути не было.

Но дело даже не в этом. Мы видим, что у граждан Федерации, да и Зон Развития, не было никаких оснований желать собственного «освобождения» от чего бы то ни было. Его и не произошло. Так называемое Освобождение – это обычная оккупация и жесточайшее, кровавое подавление любого сопротивления коммунистическому режиму.

Мы все изучали историю Освобождения. Но не целиком. Мы знаем, что агентура КБР вначале создавала очаги «недовольства», то есть вербовала сторонников из недовольных, психически больных людей, которые есть всегда и везде. Затем последовала армейская операция, военное вторжение в сочетании с организацией беспорядков в Федерации и многих Зонах Развития.

А вот вслед за армией снова пришла КБР. «Освобожденные» территории прочесывались частым гребнем. Поскольку кадров не хватало, участвовали в этом и все кобристы, независимо от специализации, и армия. Никакого желания «освободиться» у жителей ФТА не было, поэтому их необходимо было запугать террором. Буквально каждый был просеян через сети КБР. Запуганных полностью и лояльных выпускали, так называемых «индивидуалистов» отправляли массово в ЗИНЫ – эти зоны были переполнены, пришлось спешно создавать целую систему новых. При малейшем подозрении кобристы применяли пытки – как известно, обученный человек может сопротивляться аппаратному сканированию мозга, необходимо вначале сломить его волю, а это кобристы отлично умели. Многие из них были садистами, избивали и пытали людей просто удовольствия ради. И наконец, массовые расстрелы. Европа наполнилась могильниками. Крематории не справлялись с нагрузкой, трупы зачастую хоронили, как в старину, сваливая в общие могилы. О сохранении генетического материала не было и речи – зачем сохранять гены врагов? Вся почва Европы, Северной Америки, Африки, Австралии покрыта слоем пепла – и ты, читатель, ходишь по частицам миллионов убитых людей. Сколько их погибло? Есть свидетельства о минометных расстрелах, о применении даже авиации для массовых убийств. Оружия после войны накопилось много, его нужно было использовать. Никто уже никогда не подсчитывает цифры этих погибших. Но я, опираясь на кое-какой опыт, беседы, сбор материала, могу их приблизительно назвать: в одной только Западной Европе было казнено порядка семидесяти миллионов человек. По всему миру их число дошло до шестисот миллионов. И это мы еще не считаем жертвы собственно «Освобождения», так называемой «освободительной» войны. Не кажется ли тебе, читатель, что Третья Мировая война была менее жестокой – жертв у нее было не меньше, но по крайней мере, их никто не вызывал сознательно, не строил планомерной системы террора...»

Станислав Чон, Церера, год 32 КЭ.

Я часто думал о насилии. Мне в жизни не пришлось испытать, что это такое – как и почти никому из моих сверстников. Мы видели подобные вещи только в кино, в интерактивках, да может быть, в наших играх в детстве мы строили модели жестокости – сражения на деревянных мечах и пластмассовых автоматах, «пытки» партизан, попавших в плен к «врагам»...

И то это было редко. Я никогда не мог понять притягательности насилия, интереса к нему.

Но так сложилось, что в период обучения и позже я работал со стариками – людьми, которые в своей жизни испытывали что-то подобное. Далее моя мать – она стреляла и убивала, стреляли в нее, и я догадываюсь, хотя она не рассказывала, что в ее биографии были еще более страшные эпизоды. Мой отец тоже погиб не своей смертью. Но я никогда не мог говорить об этом с матерью, да и с пациентами не мог. Я изучал психологию лишь поверхностно. Умею работать с травмой, с посттравматическим стрессовым расстройством. Но извлекать травматические воспоминания и прорабатывать их – нет, это не мой уровень квалификации.

И все же мне приходилось думать об этих людях, и невольно я думал и о пережитом ими опыте. Моделировал его мысленно.

Мне кажется, насилие обязательно сопровождается ощущением морального превосходства того, кто его осуществляет. Само собой разумеется, что ты – жертва – полное ничтожество, все твои представления, ценности ложны, а вот мы, взрослые, умные, правильные, логичные, высокодуховные, высококультурные – мы знаем, как жить, и потому имеем право тыкать тебя носом в твоё же дерьмо.

Это универсальное правило, о каком бы насилии ни шла речь. Раньше детей было принято бить, считалось даже, что без хотя бы легких ударов (да еще желательно по эрогенным зонам – по ягодцам, что делает даже легкий удар на самом деле травмирующим) ребенок «не вырастет нормальным человеком». Но ведь само собой разумеется, что при этом взрослый считал себя абсолютно правым и с высоты своей непогрешимости доказывал малышу, что тот – полное моральное ничтожество, и эти удары абсолютно оправданы. И дитя в итоге даже с этим соглашалось. Оно действительно чувствовало себя полным этически-моральным ничтожеством и хотело лишь научиться у взрослого – такого во всем правого и прекрасного – как жить правильно. И пока ребенок не ломался таким образом, взрослый лишь наращивал жестокость наказаний. Страшно даже думать об этом сегодня.

Если речь идет о военном насилии, например, в чужом плену человек также ощущал вот это общее поле убежденности – мы знаем, как правильно, как надо жить, мы выше вас, а ты – представитель низшего, недоразвитого народа или страты, поэтому в принципе мы можем сделать с тобой все, что угодно.

Почему патриархат с незапамятных времен создавал мнение о женщинах, как о неполноценных существах, не вполне людях? Ради оправдания насилия над ними. Так что женщина уже даже сама соглашалась терпеть жестокость, ощущая себя «не вполне полноценной» и нуждающейся в руководстве высшего существа, мужчины. Ей только мечталось, что документировано мириадами древних «дамских романов», чтобы это высшее существо ее любило, ограничивалось незначительным насилием, или ей удавалось вовсе избегать brutальных физических мер («имеет право меня избить и изнасиловать, но он ко мне добр»).

Сам я не испытывал насилия. Детские драки не в счет, это борьба на равных. Но ощущение такое мне все же знакомо. Я помню случай, когда Витька Ершов с Арсланом выкрасили памятник героям Революции в розовый цвет. Скандал был ужасный. До сих пор не понимаю, зачем они это сделали – впрочем, у Ерша и после школы в голове много дури осталось. Наш куратор Белов сказал: «Это отрядное дело, разбирайтесь сами». И вот парни стояли перед всем отрядом, а я чувствовал себя так, как будто это я – на их месте. Хотя я такого бы не сделал никогда, но в тот момент стало стыдно и жалко их. Все один за другим вставали и говорили, какая это гадость, вносили предложения, что теперь с парнями сделать. Мне тогда стукнуло одиннадцать, а им по четырнадцать лет. Я думал, что просто ужасно чувствовал бы себя, если бы все вот так на меня накнулись. Это и есть ощущение насилия – пусть только психологического, но это уже оно. Я не испытывал его на себе, но эмпатически ощущал чувства жертв.

Лицо Арслана выглядело непроницаемым, а Витька криво так усмехался, и на его верхней губе выступили капельки пота.

Предлагали их выгнать из школы-коммуны, отправить на три месяца поработать на расчистку зоны у Обувной Фабрики; предлагали объявить им бойкот и еще что-то в этом роде. Арслан в конце концов открыл рот и заявил:

– Я свою вину признаю. Дурак был. Насчет поработать на расчистке или на стройке внепланово – я готов. Ну и памятник это... помою.

– Ну а ты? – потребовала модератор Динка от Ерша. Тот лишь плечом дернул, но ничего не произнес.

В конце концов договорились, что злоумышленники памятник собственноручно почищают и будут в течение месяца каждый день работать на стройке. Мы тогда строили спортивный школьный комплекс, работы только начинались, и много было неинтересного монотонного труда – киберами управлять, иногда самому лопатой править, и все такое.

Белов еще от себя дал поручение обоим – написать рефераты о ходе революции в Кузине. Причем не то, что все знают, а чтобы оригинально. Арслан, кстати, действительно сумел оригинально написать, интересные факты отыскал. Например, оказывается, известная всем Дана Орехова – что-то вроде приемной дочери Марии Кузнецовой. Правда, Мария сама была очень молодая, но вот подобрала девочку, когда у той умерла мать, подобрала и какое-то время растила.

Но я отвлекся... Когда эти двое стояли перед нами, я впервые ощутил, что такое насилие. Но правда, подобные ситуации потом случались не раз. Я, наверное, в детстве был жутко чувствительным, вечно всех жалко, хоть я и старался это не показывать без нужды, стыдился почему-то. Хотя чего стыдиться – без такого сочувствия я бы никогда не выбрал профессию салвера для Службы. В пятнадцать лет я как-то уже сам вот так стоял перед отрядом и доказывал свою позицию, и хотя на меня все орали, мне было нисколько не страшно и не обидно. Только досадно, что меня не понимают. К нам тогда приехали ребята из Анголы, из бывшей Зоны Развития, и хотя там уже все восстановили и построили, ситуация не совсем такая благополучная, как у нас – и экология не очень, и кое-чего не хватало. Это только сейчас на всей Земле выровнялся уровень жизни.

И вот мы в последний день разговаривали с мальчишками, и они рассказали, что у них нет роботов-погрузчиков, все руками. Я взял и отдал им наш, отрядный погрузчик. Я бы посоветовался с другими – но ангольцы ведь уже уезжали, времени впритык. И когда это всплыло – то понравилось не всем. Было разбирательство. Может, я неправильно поступил, но если посмотреть с точки зрения ангольцев – все видится иначе. Они ежедневно на строительстве вкалывают. И тяжести поднимают, а это риск для здоровья. А затребовать от местных Советов машину – неизвестно, когда дадут. Мы же получим новую в любом случае. В общем, долго все орали, спорили, но потом пришли к выводу, что может, я и не прав, но наказания не заслуживаю, и оставили все как есть. Марсела мне через два года рассказала, что тогда и заинтересовалась мной – я стоял перед всеми и смело доказывал свою точку зрения, ей понравилось. Хотя я все равно иногда думаю, что она выбрала меня тогда только из-за матери.

Моя мать очень хорошо знает, что такое насилие. Она убивала. Много раз стреляли в нее. Подробностей я не знаю, она ведь не рассказывает.

Какой должна быть психология человека, хорошо знакомого с насилием, готового к нему в любой момент? Может ли Цзиньши быть в чем-то прав? Да в чем-то он, несомненно, и прав: все мы знаем, что насилие – повивальная бабка истории, что революция и Освобождение сопровождались множеством жертв с обеих сторон. Сколько их было, этих жертв?

Неужели шестьсот миллионов?

Я работал с травмированными людьми, но моя мать не производила такого впечатления. Она была нормальным человеком, всегда. Смеялась, с удовольствием проводила время с мно-

гочисленными друзьями. Легкая, спортивная, мы с ней наперегонки бегали, на великах гоняли. По душам поговорить – тоже всегда пожалуйста. Обычная она, в общем, как все.

Могла ли она кого-то, например, зверски пытать? Вообще не могу такого представить. Но это ни о чем не говорит. Она кобристика. Теоретически, наверное, могла.

Есть ли границы у человека, который допускает насилие? Если он уже убил кого-то – то почему не убивать еще, и еще, и всех, кто тебе мешает – раз в принципе есть такой способ справляться с проблемами?

Мне очень, очень трудно все это понять. Я не знаю в наше время людей, способных решать свои проблемы с помощью насилия – и тем более убийства!

Но может быть, они все же есть?

Сай вошла, пряменькая как свечка. Села передо мной, подобрав ноги.

– Скучно?

– Да ничего, – я кивнул на монитор, – вот данные собираю пока... Тут книжка интересная про кости в невесомости.

– Стани, – тоненькие брови камбоджийки нахмурились, – с тобой что-то происходит. Думаешь, никто не замечает? Ты что – в себя не можешь прийти?

Я смотрел в пол. Смерть – это всегда смерть. Плюс тяжелое увечье девушки-планетолога. Но дело-то не в этом, совсем не в этом.

– Да, – сказал я наконец, – что-то меня зацепило это все.

– Может, выгорание? – Сай присела рядом со мной, – освободить тебя от дежурств? Может, вообще уже – хватит? Ты пойми, не я одна ведь замечаю. Мы все видим и волнуемся.

Я посмотрел на нее. Да, сказать, что просто чья-то смерть и увечье довели меня до такого состояния – нельзя. Мы салверы. Мы привыкли быть рядом со смертью, это для нас обыденность.

А ребята не понимают. Я вдруг ощутил нежность к маленькой Сай, сидящей рядом. Совсем еще недавно мы вместе боролись за жизнь Линь. Мы уверены друг в друге. Нас связывает такое, что вряд ли поймут внешние. И если кому-то из нас плохо – это сразу нарушает атмосферу, это ощущается, плохо становится и всем остальным.

Но черт возьми, как я могу посвятить ребят во все вот это? Бредовые идеи безымянного автора книги – на обложке он был обозначен как «Цзиньши» (золотой лев), но мне казалось, что псевдоним на ханью избран лишь для того, чтобы скрыть истинное происхождение писателя. Сам текст книги был написан на английском – хотя, возможно, это перевод... По сути, все эти идеи – есть в них правда или нет – касались меня напрямую. Освобождение – не чуждое мне дело прошлого, я немного причастен к нему – через мать. Поэтому именно мне необходимо все это понять, пропустить через себя, оценить. Но при чем тут ребята, зачем им-то мозги пудрить?

И смерть Аркадия, как-то связанная, казалось мне, с книгой. Каким образом? Понятия не имею. Но случайность очень уж показательная: только я получил книгу, и вот гибнет единственный человек, который хотя бы знал, откуда она, кто автор, с которым можно поговорить об этом, уточнить и обсудить.

Ведь поиск в Субмире, поиск через комм не дает абсолютно ничего. Эта книга не лежит в открытом доступе. Автор никому не известен.

И наконец, самое жуткое – «этого просто не может быть». Тот разговор техников. Скутеры не разваливаются в воздухе просто так.

Нет, я не готов рассказывать обо всем этом Сай и ребятам.

– Все нормально, – сказал я, – просто устал.

И улыбнулся.

– Кстати, ты не знаешь случайно, кто у нас в колонии есть из ОЗ?

Цзиньши, «Черное время»

«Постапокалипсис в довоенное время стал модным жанром. Принято было считать, что выживших после ядерной войны постигнут новые бедствия – от безумно-фантазийной нежити вроде зомби до экзотических антиутопий. И авторы пророческой фантастики оказались не так уж неправы: послевоенный мир настиг кошмар тоталитаризма.

Никому в страшном сне – даже Оруэллу в его горячечном бреде о трех социалистических империях – не могло привидеться тоталитарное, каждую букашку контролирующее государство без границ на бОльшей части земного шара. Насилие, превышающее все мыслимые границы, сопровождало рождение этого государства – Союза Трудовых Коммун. Кровавый красный террор, не щадивший даже маленьких детей, даже они причислялись к классовому врагу. В предыдущих главах мы рассмотрели появление зловещего КОБРа. Ничтоже сумняшеся, комитетчики перестреляли миллионы ни в чем не повинных людей, одно поколение кобристов сменяло другое – и тут же уводило предшественников в расстрельные подвалы. Далее мы еще увидим, как КОБР сменился известной КБР, и градус по крайней мере внешнего насилия, того, что было видно снаружи, – вроде бы снизился.

Но в это время у человечества был еще шанс. Государства северной Америки и западной Европы, более развитые и до войны, сумели бы еще подняться. Они уже ведь почти смогли – почти достроили свободное и гуманное общество, где достоинство человека – на первом месте. Но были погребены, в результате новой войны, под пятой железной всемирной диктатуры.

Тебе, читатель, конечно, покажется, что я передергиваю, сгущаю краски. Какая диктатура? Ты ведь свободно трудишься на обязательной государственной отработке – так называемой Службе, тебе это нравится, не так ли? Нравится, видимо, и тем, кто прокладывает новые магнитные дороги, выгребает грязь из Мирового океана, трудится целыми днями, на износ, на монотонных тяжелых работах в Системе. Ты участвуешь в видеоконференциях и заседаниях советов и разнообразных организаций, что создает у тебя иллюзию демократии. Якобы ты можешь на что-то повлиять. Тебе представляется, что твое потребление ничем не ограничено – но на самом деле тебя просто научили подавлять значительную часть своих потребностей. Например, сексуальных. Тебя приучили к мысли, что часть твоей личности – недостойна и должна быть подавлена. Делается это значительно тоньше, чем делалось в первые десятилетия после революции. Детей отбирают у родителей поголовно. Ты возразишь, что общение родителей и детей сохраняется, что и забирают-то в интернаты лишь поэтапно – вначале обычный детский сад, потом ночевки в школе... Все это отговорки. Родителям позволяют выполнять самую тяжелую часть ухода за детьми – не спать ночами, менять подгузники. Но как только ребенок становится личностью, как только способен воспринять именно твои жизненные ценности, стать твоим духовным наследником – он неизбежно оказывается в интернате, где жестким и даже жестоким коллективным воспитанием из него выдавливают все живое, все индивидуальное. Гражданин Союза оскотинен уже в детстве – и искренне считает, что у него ничего не отняли, и что его потребности удовлетворяются полностью. Да только уже эти потребности ограничены и усечены! Впрочем, о «школах-коммунах» мы поговорим в отдельной главе.

Но все это не главное. Под марксистский тезис об отмирании государства была уничтожена последняя, хотя бы слабая, хотя бы тираническая опора законности – уголовный и административный Кодексы. Были уничтожены даже ЗИНЫ, заменившие обычные тюрьмы (о реальном ужасе ЗИНов, где погибли миллионы, и где твоя жизнь ничем не защищена, мы поговорим в отдельной главе). Внешне все выглядит так, как будто современному человеку вообще не грозит ничего. Наказаний вроде бы просто не существует! И даже известные возможности психиатрии по пресечению антисоциального поведения ныне весьма ограничены.

На самом же деле отмена системы законов и наказаний – колоссальный шаг назад по сравнению с нормальным состоянием общества. Фактически мы вернулись к тому беспределу,

который существовал в дремучие времена первобытных охотников – когда самый крикливый, кому удалось стать вождем, единолично решал судьбы соплеменников. Но у нас все еще хуже – эти, берущие на себя право решать, даже не выходят на свет, они скрыты, они не несут никакой ответственности.

Но ведь все решает коллектив, возразишь ты, читатель, и решает с опорой на Этический Кодекс. Это верно с одной стороны. Но вдумайся! Коллектив имеет в сущности неограниченные полномочия. В Уголовном Кодексе прошлого зачастую отменялась смертная казнь. Юридическая система кажется тебе даже жестокой по отношению к человеку – но она становилась все гуманнее, все более смягчалась, она давала не только гарантии кары за преступление – но и гарантии, что кара не будет слишком суровой.

Сегодня по сути трудовой коллектив может все. Его полномочия бесконечны. Он может буквально уничтожить человека – и не только морально, но и физически – и никто не понесет ответственности. Мы вернулись во времена кроманьонцев, когда стая решала, жить человеку или не жить, остаться в пещере или уйти в лес на верную гибель. Во времена охоты на ведьм и линчевания, когда безумная толпа определяла судьбу действительного или мнимого преступника.

Знаю, что это звучит дико. Ты скажешь, что сейчас и преступлений-то как таковых практически нет, есть лишь сложности человеческих взаимоотношений, а психические отклонения отслеживаются уже на начальном этапе. И никто не станет убивать – сама мысль о насилии современному человеку претит. Травоядность и гуманизм гражданина СТК кажутся гарантией ненасилия. Но что будет, если обстановка изменится? У нас нет законов, обязательных для исполнения. Нет контролирующих структур. Где гарантия, что не поднимется волна убийств, кровавых расправ? После так называемого «освобождения» такие расправы были нормой – обезумевшие толпы не думали о том, убивают ли они угнетателя и негодяя – или же просто обычного человека, даже гуманиста и филантропа. В Зоне Развития убивали священников и монахинь, членов миссий, убивали благотворителей, отдающих свое состояние и свое время в помощь беднякам.

Была убита принцесса Швеции Арнхильд лишь за то, что она посмела приехать в Намибию в лагерь, где собственноручно распределяла помощь – выделенную из ее личных средств – среди умирающих от голода. Эти умирающие изнасиловали женщину и повесили ее, вместе с пятнадцатью работниками гуманитарной миссии. В Мали семи миссионерам католического центра «Каритас» отрезали головы и выставили их на всеобщее обозрение, выложив чстокол из голов во всемирную сеть. Таким случаям несть числа. Да, сегодняшний высокообразованный и гуманный гражданин СТК – не чета тем полудиким варварам, он голову отрезать не станет, но никаких гарантий у нас по сути нет. Кстати, и те варвары зачастую не несли никакого наказания. Допустим, банде в Мали не повезло – она не вписалась к коммунистическую доктрину со своим воинствующим исламом, и была казнена КБР. Но например, за убийство принцессы Арнхильд никто не понес наказания. Ее ведь убили социально близкие отморозки, их не наказывают.

При любом ухудшении жизни, катастрофе, которые все еще вполне вероятны, при любом всплеске негатива мы можем столкнуться с бессудными расправами трудовых коллективов над неугодными членами – и никто не сможет этому противостоять, у нас просто не осталось таких механизмов.

Да уже и сейчас это происходит в разных уголках мира. Творятся страшные вещи, о которых ты никогда ничего не услышишь. В Кейптауне довели до самоубийства молодую девушку – она не была виновна абсолютно ни в чем. Работала на пищефабрике и всего лишь угостила продукцией своих родственников, приехавших издалека. Собрание коллектива, травля, угрозы, безысходность – и вот девушка летит с крыши высотного здания... Заметим, никто рук не замазал, и принципы гуманизма и человеколюбия не нарушены.

А что творится вокруг темы сексуального насилия? Это просто беспредел. В штате Миннесота молодой человек проводил домой подвыпившую коллегу, та кидалась ему на шею, но из предосторожности мужчина аккуратно оттолкнул женщину и ушел. На следующий день – разбирательство по поводу якобы изнасилования. Коллектив научного центра энергетики решил изгнать из своих рядов якобы мерзкого насильника – плевать, что до сих пор он ни в чем подобном не был замечен. Работу он смог найти только на стройке – в других местах не принимали, ведь подобные вещи легко становятся достоянием гласности. Но бывает и хуже – иногда мнимые насильники просто исчезают, как это случилось с талантливым кибернетиком Юсуфом Хаесом в Дубае. И на самом деле со многими другими – просто в случае Хаеса было найдено его тело с ножевыми ранениями, в море, и стало понятно, что бессудная расправа – дело рук брата якобы изнасилованной женщины, который после происшествия тоже исчез в неизвестном направлении. Отсутствие нормальной судебной и полицейской системы открывает широчайшие возможности для личной мести.

В следующей главе я перечислю многие случаи подобных расправ, имевшие место совсем недавно – в гуманном, как ты полагаешь, читатель, и высокоразвитом обществе. Почему ты никогда не слышал о них? Потому что ты спишь. Это жестоко – но факт, ты спишь и не знаешь о многих вещах, творящихся в мире. Проснись, и ты увидишь то, что вижу я и другие – те, кто еще не оболванен коммунистической пропагандой.

Но все это еще пустяки по сравнению со зловещей организацией под краткой аббревиатурой ОЗ (история сокращения аббревиатур – КОБР, КБР, и вот наконец, ОЗ – это история ухода в тень самых омерзительных, кровавых садистских хищников человечества).

ОЗ – это та же самая силовая структура, ее сотрудники проходят соответствующую подготовку, но ответственность за свои действия несут только перед самой ОЗ. Никто не контролирует эту организацию. Общественная Защита! Я бы перевел эту аббревиатуру как Опасность Зарваться или Общество Закулисы. Члены ОЗ даже не профессионалы, как правило, ведь ОЗ – это не служба; они все служат где-то в обычных коллективах, но суд могут вершить тайно, по личной инициативе или приказу сверху.

Знаешь, сколько людей исчезло, покоится на дне морском, улетело в Космос холодным камнем или перемолото в реакторах? И я не знаю. Но мне известно, что ежегодное число этих убитых – тысячи и тысячи. Чем-то ведь мы платим за наше благополучие, спокойствие, видимое отсутствие войн и конфликтов. О, разумеется, никто не подозревает о таких убийствах. Все выглядит благопристойно – несчастный случай, внезапная болезнь, катастрофа, необычный (или даже обычный) отказ техники...

Как удобно устранять несогласных и невписывающихся в общественную доктрину таким простым и безболезненным для окружающих способом!»

Станислав Чон, Церера, год 32 КЭ.

Я отдежурил все-таки, хотя ребята хором уговаривали меня сдать дежурство кому-то из них. Ага, и придется вообще каждому вкалывать по 12 часов, как в доисторические времена! Я сказал, что чувствую себя неплохо, ничего страшного и вообще уже принимаю антидепрессанты.

Ничего я не принимал. С депрессией мое состояние не имело ничего общего.

После дежурства я облачился в скафандр и отправился на Четверку. Здесь, как всегда, кипела работа – добытые блоки льда ползли по ленте в погрузочный цех, под ногами сновали озабоченные киберы, тележки, многоножки, в воздухе вспыхивали непонятные символы, светились буквы и иероглифы. Войдя в ремонтные помещения, я снял шлем. Здесь народу было побольше – там и сям возились техники. Вися на тросе, мне махал Сэм Чжан – чернокожий спец по монтажу.

– Здорово, доктор! Как жизнь?

– Хорошо! – крикнул я, перекрывая шум, – а сам как? Живой еще?

– Да нет, на самом деле я уже помер, привет из астрала!

– Привет! – ко мне подбежала молоденькая инженерша, кажется, ее звали Лю, мимоходом обняла меня, но к сожалению, через скафандр я не почувствовал вообще ничего. Неуклюже хлопнул Лю по плечам.

– Тебе кого? Поди опять с уколами пришел?

– Нет! Я ищу аэроинженера Торреса!

– А, он сейчас вроде на работе...

– Знаю, я договорился заранее, думаешь, совсем дурак?

– Так ты иди в ангар, чего ты тут-то болтаешься? Это вон туда, в левый коридор!

Я не стал объяснять Лю, что не умею летать, и дойти до ангара могу только через их цех, молча кивнул и двинулся к указанному выходу. По дороге меня еще три раза остановили, обняли, спросили, как жизнь и где мой медкибер, не собираюсь же я воевать с пациентами безоружным, голыми руками? Наконец я добрался до цели.

Мигель Торрес, высокий аргентинец, возился со скутером как раз у выхода в цех. Он тестировал что-то, сидя в кабине. Увидев меня, помахал рукой – мол, подожди секунду. Еще некоторое время сосредоточенно вглядывался в машинный монитор. Потом выключил его и вышел из кабины.

До сих пор мы не были близко знакомы, хотя красивое ла-платского, испанского типа лицо с большими черными глазами я, конечно, запомнил. Торрес пожал мне руку.

– Пойдем куда-нибудь, где потише, – попросил я, из вежливости сразу перейдя на испанский – родной язык Марси. Торрес кивнул.

– Только времени мало. Идем в скутер.

Я нырнул в кабину четырехместной машины вслед за инженером. Колпак над нами закрылся, отрезая лязг и шум ремонтных работ. Торрес повернулся ко мне.

– Ты хотел поговорить...

Я зажмурился. Сразу быка за рога.

– Ты ведь член ОЗ.

– Ну да, – аргентинец кивнул. Теперь можно, сказал я себе. Да, ты его почти не знаешь, но он из ОЗ. Он поймет. Да и скорее всего ведь это чепуха. Просто эта чепуха такого свойства, что нормальным людям и говорить-то об этом стыдно.

– Ты знаешь, у нас недавно было ЧП на Тройке. Один погибший.

– Да, помню его, планетолог. Аркадий Дикий, – Торрес произнес имя с немного смешным акцентом, – ты его знал?

– Немного. Дело не в этом. Мигель, я ни хрена не понимаю в технике. Скажи – такая вот авария, это вообще возможно?

Торрес некоторое время молчал, постукивая пальцами по джойстику ручного управления.

– Почему ты решил, что невозможно?

Я рассказал о случайно услышанной беседе техников. Можно было поинтересоваться и у них, конечно – но отчего-то я решил, что Торрес должен знать результаты.

– Да, я в курсе.

– Черный ящик?

– Ничего особенного. Просто крики. Действительно авария была странная, – признал Торрес. – Очень даже странная. Техники говорят, что сбой ПО, но сами очень удивлены. Так не бывает обычно.

Я опустил глаза. Странно, мерзко, неприятно. Как будто это возвращает нас во времена, когда еще существовали враги. В страшное время, когда моя мать была молода.

– Это... может быть стечением обстоятельств? Просто сбой?

– Да, – Торрес кивнул, – в принципе, это могло быть стечением обстоятельств. Станных, редких. Но в мире нет ничего невероятного... Вот как-то так говорят специалисты. Восстановить сейчас логи работы бортового ПО невозможно.

– Но... это может и НЕ быть просто случаем? – выдавил я из себя. Черные глаза аргентинца уставились на меня.

– Да, такая вероятность есть, – сказал он наконец, – техники высказывали и такую версию. Искусственная помеха... как раньше говорили, вирус, намеренно внедренный в мозг скутера. Непредставимо, чтобы в наше время кто-то решал свои проблемы таким образом, но... я единственный член ОЗ на Церере. Я проверил эту версию. И ничего не нашел. Нет людей, которым Дикий или Сян могли бы мешать – по крайней мере, их нет здесь, а с Земли такую помеху внести невозможно. Нет возможности переписать такой вирус, минуя контроллинг со стороны и искинов, и живого персонала. Просто технической такой возможности нет, не забывай, ведь я сам инженер. Все глухо, понимаешь? В теории вирус мог быть – на практике в скутер никто его внедрить не мог.

Я сидел, переваривая информацию. Торрес тем временем продолжил.

– А теперь расскажи мне, почему ты задаешь эти вопросы. Вы с Диким не были близкими друзьями.

– Да, мы познакомились как раз незадолго до аварии.

– У тебя есть основания для подозрений? Новая информация? Связи Дикого, мотивы возможного убийцы? Все-таки вы с Диким одноязычны, он мог поделиться с тобой чем-нибудь особенным... опасениями, например.

Понятно, что Торрес не знает о книге Цзиньши. Имеет ли такая книга отношение к ОЗ? Вряд ли... Ведь она никому не угрожает, никто ее даже особенно всерьез не воспримет, и я не воспринял бы – разве что в глубине души что-то царапает. Но все это просто бла-бла-бла. ОЗ тут ни при чем.

Но вот эти слова отпечатались в мозгу, словно вбитая татуировка: «Все выглядит благопристойно – несчастный случай, внезапная болезнь, катастрофа, необычный (или даже обычный) отказ техники...».

И если есть малейшая вероятность, что гибель Дикого связана с книгой, именно Торрес – тот единственный человек на Церере, с которым нельзя об этом посоветоваться.

– Я мало знал о нем. Он показался мне.. несколько странным человеком. Необычным.

Торрес пожал плечами.

– А что в нем показалось тебе необычным?

– Ну... не знаю. Может, и ничего особенного – он прилично старше меня, он ученый, а не салвер, он... ну другой совсем. И в то же время стремился пообщаться со мной, уж не знаю, почему. По-моему, он чувствовал себя как-то... одиноко, что ли.

Я говорил торопливо, чтобы не сквозила в паузах невысказанная мысль.

– Не обращай внимания. Меня просто потрясла гибель Дикого так скоро после нашего знакомства. Кроме того, я слышал разговоры техников... вот и решил на всякий случай спросить у тебя, ведь как член ОЗ, ты должен был бы это знать точно.

Торрес наклонил голову.

– Я ничего особенного не нашел. Вероятно, все же несчастный случай. Если тебя это утешит – я передал материалы на Марс в наш отдел. Может, они что-то накопают. Конечно, гибель человека – это большое ЧП, тут надо делать выводы, просто так не спустишь на тормозах. Можешь поинтересоваться в ОЗ Марса, как идет расследование.

Я кивнул, взялся за ручку люка, чтобы вылезать. Сама идея этого разговора была глупой. Что я надеялся услышать от Торреса? Я посмотрел в его красивое, с правильными чертами лицо.

«Может ли член ОЗ тайно убить человека, если этого требуют интересы общественной безопасности?»

Конечно, я не задам ему этого вопроса. И не знаю, что он ответил бы на это – скорее всего, что конечно же, нет.

Но из черных глаз аргентинца, чудилось мне, просверкивает та же сталь, которую я видел иногда в глазах матери. И эта сталь отвечала мне: «Да. Ведь мне приходилось убивать. Ведь для того, кто перешагнул эту грань, нет в сущности ничего невозможного».

– Спасибо, – сказал я, – это скорее психотерапия для меня самого.

– Без проблем, – улыбнулся Торрес, – всегда пожалуйста.

По случаю вечеринки стол в дежурке был накрыт серебристыми светоотражающими одеялами, а Сай повсюду развесила гирлянды из фольги. Двойной юбилей – не шутка, Кристине тридцать, и сегодня три года, как она работает здесь, на Церере. В серебряном блеске скатерти как-то терялись церерские деликатесы – груды свежей зелени, фрукты в вазах, настоящий сыр, между ними салатки из консервов. Сухой закон формально не нарушался, но в бокалы с безалкогольным шампанским Вэнь плеснул чуть-чуть этанола. Бо, друг Кристины с «четверки», приволок новое произведение нашей оранжереи – букет бледно-коралловых роз; цветы были официально выданы для юбилярши. Кристина зарывалась носом в розовую кипень и улыбалась счастливо, как младенец, блестя сахарно-снежными зубами на черном лице. Кроме нас, в дежурку набились любимые пациенты Кристины – человек восемь, подруга Сай с «двойки» – Альбина, подруга Вэня – Тошико, словом, жизнь кипела у нас ключом. Официально дежурила Сай, но никаких плановых приемов – разве что кому-нибудь срочно приспичит к медикам.

А если и приспичит – что мы, не обслужим? Мы тут все четверо сидим, можем и отвлечься на несколько минут! Хотя, честно говоря, нам уже слегка весело.

– А теперь сюрприз! – объявил Бо, поднимаясь с бокалом в руке, – вы все, конечно, читали сборник Кристи, «Глаза змеи»... Кто не читал, сейчас об этом жутко пожалеет. Потому что «Глаза Змеи» занял второе место в рейтинге стихотворных сборников Системы!

– У-у-у-у!!!!

Я орал с остальными совершенно искренне. Второе место в Системе – это круто! Конечно, это не рейтинг Земли, но тем не менее.

– А-а-а!

– Крис-ти мо-ло-дец! Крис-ти мо-ло-дец!

К Кристи все лезли обниматься, а она все так же сверкала зубами и не переставала смеяться.

– Предлагаю выпить за это!

– Ребята, мы сидим с будущей профессиональной поэтессой!

– А думаете, я уйду из Системы на Землю? – возражала Кристина, – да никогда в жизни! Вы что – думаете, я ради Службы тут?

Она даже фыркнула от такого предположения. Я встал.

– Ну так как насчет выпить? Я лично всегда считал «Глаза Змеи» великим произведением. Уверен, что надо подавать сборник на рейтинг Земли!

– Ха! Земляшки... Они понятия не имеют о Пространстве, – вмешался Бо.

– Сначала пьем!

Я осушил бокал. Это уже третий на сегодня – и все с этанолом. Мне стало почти весело. Почти легко. Почти так же, как месяц назад...

Альбина – евроазиатка, как и я, румынско-китайского происхождения – взяла гитару, пробежалась по ладам. Кристина поднялась, протянула руки к Бо. Мне вдруг вспомнилось, что в древние времена тридцатилетие девушки считалось чуть ли не концом ее молодости. Гитаристка подключила оркестровку на инструменте, и старинное танго резко потянуло в ритм.

Первыми встали Кристина и Бо, сбрасывая ботинки – подошвы у магнитные, иначе трудно ходить. А вот танцы в Системе, при низкой гравитации – особый вид искусства, и Кристина специально им занималась. Народ жаждал зрелища. Бо откинул пару стульев в стороны, освобождая место – и подхватил партнершу, уже начавшую входить в ритм. Это удивительное зрелище – как танцоры взлетают к потолку и медленно опускаются к полу, одновременно совершая сложные ритмичные движения. Алое платье медленно крутилось вокруг темной, ладной фигуры Кристи, белая рубаша Бо блестела, как снег; Кристина была одного роста с китайцем, но это не мешало ему вертеть и подхватывать партнершу на руки; мелькало алое, белое и черное, руки и ноги; ритм захватил всех, и народ постукивал и похлопывал в такт танцующим. Танго сменилось попури из современных мелодий, танцоры импровизировали. Бо бросал Кристи вверх, она делала невозможные сальто, потом ребята вместе, как две птицы, кружились в воздухе. Некоторые уже повскакали с мест – невозможно усидеть под такую музыку.

– Танцуют все! – крикнула Альбина. Пары закружились рядом с именинницей. Передо мной вдруг очутилась Амала с «Двойки». Как и почти все, она была в обычном комбезе, только черные волосы распустила по плечам и вплела цветы; в темных глазах сияли звезды.

– Стани? Пойдем?

Я встал. Танцор я, честно говоря, так себе, но и Амала, вопреки стереотипам об индийской крови, все-таки не Кристи. Так или иначе, мы справлялись с ритмом, и ритм даже захватил меня, я точно угадывал движения партнерши, раза два даже умудрился прокрутить ее вовремя, я почти забыл о том, что теперь ведь все иначе... нет, все в точности как раньше, как всегда. Мы веселились, нам было так здорово вместе, и кто-то пустил подсветку, затемнив помещение, а кто-то взорвал самодельную бомбу с конфетти, и блески ложились нам на головы, на плечи... Альбина оставила инструмент играть самостоятельно и тоже пустилась в пляс.

После танца я забился в угол. На меня все навалилось снова. Черт, как же я мог все это забыть... я живу в антиутопии. Нет, конечно, в книге много чуши, это понятно; но вспомнились мертвые глаза Аркадия Дикого. Его лицо не было обезображено действием вакуума. Так еще хуже – казалось, что глаза смотрят на меня с упреком. Его... убили? Да с чего бы? Это ведь чушь, это бред. Он никому не мешал. Но в книге верно указан один факт – никто не контролирует ОЗ. Никто не может это проверить.

Как мы можем так жить, как я мог так жить – не задумываясь ни о чем, просто работая, просто общаясь с милыми, приятными сердцу ребятами, друзьями...

Торрес? Неужели инженер-аэрокосмик способен на такое? Ну ладно моя мать. Осколок героического прошлого. Там можно представить все, что угодно. Но обычный инженер, обычный славный парень с «Четверки»...

– Стани? – Амала присела рядом со мной, – ты чего такой смурной?

Смуглая рука коснулась моей. Черные большие глаза Амалы смотрели встревоженно. Я забыл, кем она работает, она у нас не часто появлялась – но спросить вот так неловко. Я выпрямился и улыбнулся.

– Как у вас там, на «Двойке»?

– Да хорошо, – индийка тоже улыбнулась рассеянно, – я-то мало связана с делами базы, сижу в башне, задачки решаю... знаешь, теоретическая космогония это больше математика. Но я занимаюсь формированием астероидов и малых планет, наблюдения тоже нужны. И пожалуй, даже просто сидеть на Церере куда продуктивнее, чем на Земле, настраивает на совершенно другой лад. Многое начинаешь понимать иначе, более глубоко. Наверное, так же и с медициной...

– Люди – они везде люди, – произнес я мрачно, – и на Земле, и на Юпитере. И в других системах...

Я усмехнулся собственному афоризму. Это правда: люди везде остаются людьми; нам, салверам, все равно, где работать.

И вот я сижу в дальнем Космосе, среди мертвых камней, у черта на куличках, и переживаю из-за межчеловеческих отношений. Из-за того, что общество – до сих пор слишком сложная и непонятная штука.

– А кстати, насчет других систем... Ты знаешь, что дали добро на колонизацию 61 Лебеда? Планета будет называться Радуга, Российскому Совету официально дан приоритет. Сиань и Нью-Атлантис давно полным ходом осваиваются, теперь еще одна планета будет.

– Что, серьезно уже пришло подтверждение от пионерской экспедиции? Я так отстал от жизни?

– Конечно, лекарь! У тебя, по ходу, депра, исцели себя сам. Пришло подтверждение, начато строительство города!

– Ничего себе! – я переваривал новость, – это означает, что уже очень скоро будут набирать колонистов...

– Я решила подать заявление! – воскликнула Амала, – и плевать, если там космогония будет вынесена из списков служб – ею я могу заниматься и в свободное время! Я могу служить кем угодно, есть образование инженера-программиста, да и астрофизики там точно нужны...

– А что тебе, на Земле надоело? – поддел я девушку. Амала засмеялась.

– Это меня спрашивает церерианин, на Церере!

– Про что перетираем? – подсел к нам Вэнь.

– Про колонизацию! Ты слышал, что разрешили начинать широкое заселение Радуги?

– Конечно. А вот если ты об этом не слышал – это еще один симптом!

– Да мне не до того просто, – я повернулся к Амале. – Послушай, но ведь это совсем другое. В Систему мы вербуемся на время. Это считается чуть ли не подвигом, некоторые вон специально добиваются этого ради карьеры. А тут... на всю жизнь ведь.

– Ну межзвездные полеты теперь возможны, почему так уж фатально, – возразил Вэнь.

– Я не про то... конечно, если поймешь, что ошибся, вернуться можно будет. Невозможно представить, что Совет одобрит иной порядок. Но официально ты все-таки вербуешься навсегда. До конца жизни. А там... там нет многого из того, к чему мы привыкли на Земле.

– Угу... да построят там все очень быстро! – убежденно воскликнула Амала.

– А Тадж-Махал? Тоже построят? Кельнский Собор?

– Ну... после войны многие памятники – уже новоделы... – заметил Вэнь.

– Да, а землю, по которой ступали Конфуций, Христос, Симон Боливар, а вокзал, у которого Ленин произносил речь с броневика, гору Пэкту – все это тоже построят? Березовые есенинские рощи, долину Рейна? Нас связывает с Землей слишком много. Корни. Что будет с деревом, если корни полностью обрубить? Откуда брать живительную влагу?

– Ну ты поэт, – засмеялась Амала, – значит, иной мир – это не твое. Ничего страшного! Люди разные. Я иногда тоже не знаю, если честно... вроде и хочется, но вроде и страшно, как ты говоришь, обрубать корни. Потом, есть же еще друзья, есть мама и папа, бабушка, тетки, сестры... Не знаю!

– Да, это еще более существенно, – согласился я.

– В общем, я просто легкомысленная особа! – заявила Амала и придвинулась ближе ко мне. Я посмотрел в ее лицо. Красивая ведь девушка, даже очень. И черные глаза – почти как у Марселы. Даже больше, и ресницы длиннее.

– Ничего ты не легкомысленная, – возразил я, – просто пассионарий и рвешься в неизведанные дали. А я старый ворчун.

– А что ты делаешь завтра вечером, старый ворчун? – откровенно высказалась Амала. И внутри меня все сжалось в ледяной колючий комок.

Просилось «пока не знаю», но сказанное нейтральным тоном, это означало бы принципиальную готовность к встрече. Почти флирт. Черт возьми, «после этого, как честный джентль-

мен, вы обязаны жениться». Надо высказаться определенно. Не хочется, это отнимет последние силы – но надо. Я собрался.

– Завтра вечером у меня дежурство. Вообще извини, со временем очень плохо.

Глаза Амалы вспыхнули. Ей все-таки обидно. Как не обидеть человека в такой ситуации? Девушка молчала, слегка отвернувшись. Потом спросила.

– Тебя кто-то ждет?

В принципе, для многих это и не препятствие. Ну ждет – и ждет, мы же не в средние века живем. А меня не ждет никто, уже давно. Но так Амале будет легче.

– Да, что-то вроде того.

По крайней мере, это не прямая ложь. Амала молча встала и отошла от меня. Жаль – почему люди не могут оставаться друзьями в такой ситуации? С ней приятно танцевать, она вообще мне нравится. Зачем было ломать абсолютно всё, все отношения?

Амала так и не сказала мне ни слова до окончания вечеринки.

Кристи ушла в свою комнату вместе с Бо – продолжать праздник. Дежурство было у Вэня, мы с Сай убирали последствия вечеринки, а потом сели втроем попить жасминового чая.

Сай с ногами забралась на кушетку для обследований, я занял второе эргономическое кресло на колесиках, Вэнь поставил чашку на пульт, ровно горящий синими огоньками, – в случае медицинского ЧП сообщение придет именно туда. Ночные дежурства – спокойные. Дневные ты обычно используешь для профилактик и приема больных, а в ночь – занимайся, чем хочешь.

Иногда мы здесь и засиживаемся поэтому – играем во что-нибудь, треплемся. И нам хорошо, и дежурному приятно.

И мы обсуждали вечеринку и танцы Кристи, ее сборник, ее успехи, трепались о том, о сем; а вторым слоем сознания я как бы наблюдал за всем этим и думал, как же мне хорошо с ребятами, какие они свои, родные, ведь совсем недавно еще все вместе спасали девочку Линь, и таких случаев было у нас уже много, когда мы действовали четко, быстро, слаженно – вместе; и я на каждого из них могу положиться, и они на меня – тоже. Какие они разные, и по-своему каждый интересен; вот Сай – призер Евразии, между прочим, по стрельбе из лука. Спортсменка континентального уровня! И сама такая прямая, стремительная, точная – как стрела. А Вэнь совсем другой, мощного телосложения, медлительный, доходит до него все не сразу, но в работе крайне аккуратен, а руки – золотые. И еще он скульптор, не разбираюсь настолько в этом виде искусства, чтобы оценить его уровень, но мне нравится. У нас перед входом статуя – змея с чашей, это он слепил. И статую Цереры перед Первой базой – он же с еще одним парнем из техников. Да что уж говорить, ребята просто золотые, и понимаем мы друг друга давно с полуслова – хотя так же было и на нашей Шестой Спасательной, с которой я ушел. Такой у нас мир – куда ни поедешь, где ни начнешь служить – везде обязательно встретишь хороших, своих ребят, с которыми и помолчать можно, и чаю выпить, и попеть под гитару. И работать хорошо с ними.

Но кроме этого, поселился во мне еще и третий, омерзительный такой, холодный тип, который смотрел на все это сквозь прищуренные веки и цедил: веселитесь? По – детски – наивно смотрите на мир? А мир-то ваш на самом деле построен на грязных тайнах – только раньше все это называлось «политикой» и делалось открыто, а теперь вас растят, как поросят на убой, а вы наивно радуетесь, как юнкомы, и думаете, что этот мир принадлежит вам. Что вы сами в нем что-то решаете...

Не то что этот тип постоянно портил мне настроение, нет, мне удавалось отвлечься. Но временами ледяной укол в сердце чувствовался, и, наверное, это отражалось на моем лице. Потому что разговор вдруг зашел обо мне. Или просто Амала что-то сказала Сай.

– Кстати, Амала к тебе неровно дышит, ты знаешь? – она так и спросила, прямо.

Я пожал плечами.

– Ну... возможно.

– Амала красотка, – высказался Вэй, – глазища такие... и умница, космогонистка.

– Да, она симпатичная.

– Симпатичная, – Сай, к которой я как раз подъехал на стуле, ткнула меня пальцем в ребра. Я едва чай не расплескал, – да она красавица просто! А ты, Стани, реально, какой-то сыч! Ты уже второй год здесь... И ты же свободен. Это что – новая мода такая?

– На русском такой анекдот есть, – вспомнил я, перейдя на родной язык, – изобрели новое лекарство от Спиды-прим. Называется Спид-Один.

И предусмотрительно отъехал от коварной Сай.

– А если серьезно, – спросила девушка, – забыть не можешь? Болит?

Я вспомнил Марселу. Да нет. Давно уже воспоминание о ней стало светлым.

– Нет, не болит. Не знаю. Но как-то это все было... очень серьезно, что ли. Нужно больше времени, наверное.

Узкие глаза Сай смотрели на меня как сквозь прицел.

– Иногда я жалею, – произнесла девушка, – что еще не изобрели телепатию. Телеэмпатию. Чтобы вот проник в другого человека – и сразу все понял, что с ним, почему.

– Аппаратная телепатия вполне существует, – возразил Вэнь, – мы же сами используем ее для диагностики.

– Да нет, я не о том... – Сай махнула рукой.

– Понимаю, – я кивнул, – мне тоже часто хотелось бы так. С пациентами, например, – а то мямлят что-то, мямлят, не поймешь. И еще мне хотелось бы понимать авторов книг. Вот прочитал – и понял, что автор думал на самом деле, что он чувствовал, откуда это все у него идет. Правду он в конце концов пишет – или нет.

– Но какой интерес кому-то писать в книге неправду? – удивился Вэнь.

Даже такой отдаленный намек на проклятого Цзиньши был для меня облегчением. Может быть, надо просто рассказать все ребятам. Но как? Вот как я сейчас начну им рассказывать... даже о том, что Аркадий, возможно, погиб не по нелепой случайности, что его... страшно сказать, убили. Как? Да, мы откровенны друг с другом, мы говорим обо всем, но это... это слишком перевернуло бы все их представления о мире.

Мои – нет, не до такой степени. Возможно, Аркадий потому и дал мне эту книгу, и она легла на подготовленную почву. Ведь я сын своей матери. Ведь для меня Освобождение – не просто «славные дела наших отцов».

А они... зачем им вообще об этом думать? У них работа, служба, вон колонизация дальних планет начинается... у них дружба, любовь, интересная, яркая жизнь.

– Это ведь была твоя соученица по ШК, эта самая Марсела? – спросила вдруг Сай. Они все еще об этом... ну лучше уж говорить об этом.

– Да.

Я подъехал к пульту и налил себе еще одну ароматную чашечку. Хорошо, что мои коллеги умеют правильно заваривать жасминовый чаек. Просто вот нет ничего лучше после бурной вечеринки.

– В школе у всех бывает какая-нибудь любовь, увлечение... но чтобы так долго – это редкость. И тем более, после того, как партнер по этому увлечению уже нашел кого-то другого.

– Причем этот другой – тоже наш товарищ по ШК, – заметил я, – наш друг. Мы втроем дружили – я, Марсела и Костя. Но я в общем совершенно не в обиде. Наоборот, странно, что сначала она все-таки выбрала меня. Костя всегда был ярче, интереснее. Член совета ШК, его всегда везде выбирали. Лидер. Он умел влиять на людей. У него многое получалось лучше – он и в спорте молодец, многоборьем занимался, даже добился серьезных результатов на реги-

ональных соревнованиях. Одна учительница у нас говорила про него – гармонично развитая личность. И в качестве Службы выбрал науку, он эколог, и там тоже достиг успехов.

– Кажется, у тебя комплекс неполноценности, – заметил Вэнь.

– Да брось ты. Это совершенно объективно. Я не говорю, что я хуже. Но ведь в любви дело такое – любовь до сих пор явление более-менее биологическое, невольно все тянутся к самым сильным, ярким, доминантным. А Костя – он такой. Я сам всегда был под его влиянием. Ведь вы меня знаете, я скорее из тех, кто следует за кем-то...

– Ну уж к тебе-то многие тянутся! – возразила Сай, – вот даже Амала... а ведь какая девушка! И наверняка, она не первая.

– Да я о себе ничего плохого и не говорю. Я просто говорю, что Костя – он объективно лучше меня во многих отношениях. И я не удивляюсь, что Марселита...

– Вы действительно странные. Все трое, – вынес суждение Вэнь, – ну кто во взрослом возрасте вспоминает какие-то школьные любовные дела, школьное соперничество?

– Наверное, те, – негромко заметила Сай, – у кого все это вызвало очень серьезные внутренние изменения. Может быть, травму. Остался какой-то сильный гештальт, который надо закрыть. Стани, я не помню, кажется, ты не рассказывал – а где вообще была ваша школа?

– В Кузине. Это такой город на Уральской Дуге, в ее центре, хотя скорее в сторону Челябинска. Прямо у гор. У меня там мать выросла тоже, и когда меня родила, то переехала из Ленинграда, решила пожить в этом месте, тем более, что у нас там красиво, и вообще. Но никаких травм там у нас не было, все хорошо... Вот гештальт... – я умолк.

Может быть, действительно, происходило между нами тремя что-то такое, что невозможно забыть до сих пор?

– В Америке, говорят, сейчас модны семьи по три-четыре человека. По крайней мере, когда детей планируют, то подписываются сразу несколько человек. Вроде общины получается. Это у нас в Евразии все еще парные семьи в основном, – заметил Вэнь.

– Меня мать вообще одна растила. Ну и представить, что мы бы сформировали семью троим... я как-то не могу. Нет. Да и я не испытываю никаких чувств к Косте, как и он ко мне – ну только дружеские. Мы оба чистые гетеро.

– Наверное, это у тебя от матери, – предположила Сай, – она любила твоего отца, и так и не завела другого партнера после его гибели.

– Насколько я знаю, у нее были мужчины. Но так серьезно – нет. Ни с кем она не жила. И мне говорила, мол, я не хочу тебе другого отца, у тебя есть отец, и его ты должен помнить. Хотя я его, конечно, никак не мог увидеть – только на экране.

– Ну вот. Все-таки есть такое явление, как однолюбы. Может быть, ты это унаследовал. Но если с твоим отцом это еще понятно... там героическая история, он погиб и все такое. Светлая память. То в твоём-то случае никаких причин цепляться за воспоминания нет, правда?

– Да что ты к нему пристала? – Вэнь звякнул чашкой о пульт. – Может, человеку хочется быть одному. Ему, может, так хорошо?

– Тебе так хорошо? – спросила Сай напрямую. Я подумал.

– Наверное, нет, не очень. Но сейчас... здесь... я не готов.

Меня вдруг осенило.

– Вот именно. Мне нужно на Землю. Мне нужно понять, что происходит вообще, разобраться в себе, в мире. Понять, почему у нас все так сложилось. И там, на Земле... Все-таки я не системщик по натуре, я земляшка. Мне нужны корни, надо их держаться, чтобы жить. И тогда, может быть... да наверняка. Тогда я пойму, кто мне нужен и почему.

Цзиньши, «Черное время»

«Задолго до Войны творцы нередко предупреждали об опасности цифровой диктатуры, полной прозрачности каждого человека, даже верующие ссылались на Апокалипсис Иоанна, где пророк предсказывал нанесение печати дьявола на каждого в последние дни человечества. Этой печатью в свое время верующие считали электронные чипы и тому подобную маркировку.

Теперь мы живем в этой диктатуре, в условиях полной, абсолютной прозрачности. Никакие особые чипы, никакая маркировка уже не нужна – люди радостно установили коммы в височную кость, чтобы иметь возможность в любой момент пользоваться всей мировой сетью. Жизнь без нейроимпланта представляется нелепой, на это идут только совсем уж забавные чудачки или редкие больные, которым это запрещено по каким-то причинам – и те носят с собой комм постоянно.

Нейроимплант представляется высочайшим достижением цивилизации – человек расширил свою память до безграничных пределов, может легко вызвать из этой памяти любые нужные сведения, легко общается с другими даже не произнося звуков – это уже почти телепатия. Может развлечь себя в любую секунду какой угодно музыкой, книгами, фильмами, играми. Без всяких специальных аппаратов сохранить в памяти комма в виде трехмерных снимков или видео все, на что упадет взгляд. Да, это прекрасно. И еще комм дает возможность контроля извне.

И в этом современный человек не видит никакой беды. Приватная сфера якобы защищена, те картины, которые он не хочет демонстрировать, в комме не сохраняются; те области памяти, которые он не хочет показывать другим, скрыты под специальными паролями. Остатки же государственных структур кажутся гражданину СТК совершенно безобидными. Что ужасного в том, что электронный мозг ведет учет рабочего времени каждого гражданина на Службе? Ведь это основа современной цивилизации: только Служба, и только определенное число служебных часов (а до недавних пор это были целых 20, а раньше даже 30 часов в неделю!) дает гражданину право пользоваться системой распределения потребительных ценностей (СРПЦ). Это представляется справедливым. Каждый – даже если это гениальный, но еще не раскрывшийся до конца поэт, даже если это духовный искатель или будущий великий спортсмен – обязан отдавать обществу долг на примитивной и не совсем подходящей ему работе. Обязан гробить себя и отдавать свое время, уставать, рисковать тем, что его потенциал уже никогда не раскроется – ради права получать самые элементарные жизненные блага.

И для того, чтобы учесть этот отданный долг, и необходима всеобщая регистрация и постоянный контроль гражданина электронными системами. Вы можете отбывать свою Службу в Антарктиде, а затем приехать в скандинавскую деревушку и там через комм заказать себе домой любые предметы потребления, и всемирная электронная система будет знать, что вы отдали свой долг, оплатили свое право на жизнь, и выдаст вам то, что полагается.

Но кто сказал, что всеобщая регистрация, учет и контроль используются только для этого?

Сканеры могут в любой момент установить местонахождение вашего комма – а выбросить прибор, как это делалось с наручными коммами или, в старые времена, с мобильными телефонами, уже невозможно. Совершивший преступление, неблагоприятный поступок – или несправедливо обвиненный, как мы это видели в предыдущих главах – никуда не скроется, не уйдет, его везде настигнут суровые и справедливые трудовые коллективы. Тебе некуда бежать – тебя найдут везде! Дружба и товарищество неотвратимы!

И наконец, не будем забывать о существовании ОЗ. Вы серьезно убеждены в том, что единственная существующая в мире спецслужба не имеет доступа к чужим нейроимплантам? Вы очень и очень наивный человек. Вся история человечества учит одному: ОЗ не только имеет прямой доступ к вашему комму (его, собственно, и так имеет все человечество), но и вскрыть ваши пароли и прочесть все, что угодно, для ОЗ не составит труда. А поскольку аппаратная телепатия в наше время весьма усовершенствована – как знать, возможно, ОЗ имеет доступ

даже к вашим тайным помыслам, которые вы и кому не доверяете. Достаточно лишь поставить в нейроимплант небольшое приложение, позволяющее присоединить нейросканер к пользователю – совершенно незаметно для последнего.

Поздравляю вас! Впервые в истории человечества мы имеем настоящую, не иллюзорную Полицию Мысли!

Прослушка и слежка за гражданами всегда были ограничены физическими возможностями спецслужб – невозможно постоянно следить за каждым. Обычно спецслужбы отслеживали тех, кто вызывал подозрение. Наверняка и сейчас ситуация не изменилась. Но возможно, дорогой читатель, ты уже вызвал подозрение анонимного агента ОЗ, и прямо сейчас твои мысли, твое восприятие этой книги, даже твои тайные сны поступают в его полное распоряжение. И как знать, не решит ли этот агент, что ты уже зашел слишком далеко в отрицании счастья коллективизма, и не пора ли тебя убрать – с помощью, конечно, совершенно естественной случайности...»

Станислав Чон, Церера, год 32 КЭ.

Все-таки бред.

Я выключил книгу и задумался. Читать Цзиньши, пожалуй что, и интересно. Как мы читаем фантастику, наполненную сладостной жутью невозможного. Но как я вообще мог воспринять это хоть сколько-нибудь всерьез?

Я потряс головой. Пульс равномерно мерцал лампочками. Одиннадцать вечера, коллеги разошлись по комнатам, у Кристи сегодня ночует Бо; Вэнь пошел смотреть первенство Марса по фигурным полетам, у нас тоже, кстати, строят купол, где он сможет опробовать собственные крылья. У Сай сегодня игра, в системе очень популярны ролевые игры онлайн – здесь ведь не соберешься актерствовать в реале, как на Земле. Сейчас они играют по известному миру «Великого Льда» (серия романов, фильмы, сериалы, интерактивки) – эпическая, совсем еще недавняя история освоения Антарктиды, спасения популяций пингвинов и другой живности, на фоне которой творятся нешуточные страсти.

Сквозь ситалловый купол мерцают звезды – прозрачность здесь усиленная, так что можно положить затылок на подголовник и смотреть прямо в Космос. Не видны ни Солнце, ни Земля, только Юпитер сверкает крупной жемчужиной. Как же далеко мы забрались. Если долго смотреть в это небо, внутри возникает музыка, очень тихая, она нарастает, пробирает насквозь. Я никогда не сохранял такую внутреннюю музыку в комме, хотя и мог бы. Но у меня нет честолюбия композитора, да и вообще я давно музыкой не занимался. А записывать для себя – зачем? Музыка есть всегда, под настроение придет новая.

У меня даже и нет каких-то логических возражений автору «Черного времени». А что? Формально он прав. У нас отмирают законы, у нас уже нет специальных судебных органов. Есть ОЗ, которая непонятно как работает – теоретически она контролируется Советами, практически точно я не знаю. Что там творилось во время революции и Освобождения – я не спец. Мать тоже рассказывала... всякое. Ее рассказы, если честно, несколько отличались от парадного, черно-белого изложения – на нашей стороне сплошь прекрасные сверкающие герои, а с той – одни подонки.

Правда, с цифрами он сильно врет – не понимаю, зачем, проверить же нетрудно. Население мира нисколько не уменьшилось, а наоборот – начался взрывной рост! Какие там 600 миллионов убитых...

Но пусть – ведь даже и несколько тысяч убитых – это все равно прискорбно, кто же спорит.

Но вот когда Цзиньши начинает про нашу обычную жизнь, мне хочется ржать в голос. Ужасное угнетение детей в школах-коммунах! Невероятная тяжесть пятнадцати, ну пусть двадцати обязательных часов Службы! Прямо-таки гнет и трагедия, губящая великих творцов.

Подавление желаний! Сексуальных желаний! Впрочем, наверное, Золотой Лев имеет в виду какую-нибудь там древнюю порнографию, раньше ведь было принято самоудовлетворяться, глядя на похабные и примитивные видео... Нельзя сказать, что сейчас люди этим не занимаются, конечно, но для этого есть целый отдельный мир психологически рассчитанных, достоверных интерактивов, при изготовлении которых живые люди не занимаются похабщиной, да еще, как это было раньше, за деньги. Вот уж где кошмар! Или, может быть, он имеет в виду подавление каких-нибудь желаний вроде педофилии, насилия... Да, такие желания подавляются – а как иначе он представляет себе функционирование общества?

Теоретически трудовой коллектив может убить! Ни за что! Звучит как полный бред. Правда, он там приводит даже какие-то примеры – но ведь даже и в них не так, чтобы трудовой коллектив вот сознательно решил кого-то убить! Абсолютно все известные мне – от пациентов, от друзей, знакомых, по сети – случаи осуждения кого-то сводились лишь к моральному порицанию, иногда – к возмещению ущерба (это когда наш Витек краску с памятника отмывал), ну или к рекомендации пройти лечение у психотерапевта. Заметим – не медикаментозное, не аппаратное даже лечение.

Впрочем, и сами «преступления»... ну какие преступления бывают в наше время? Детские шалости вот случаются – что-то испортили, набезобразничали, поступили безответственно, попытались удрать на космодром. У взрослых... в основном, разборки, сложные этические ситуации. Он ее бросил, она его оскорбила. Кто-то ребенком своим не занимается. Ну и трудовые косяки – кто-то напортачил, что-то забыл, кто-то регулярно оставляет свинарник за собой... За что тут наказывать всерьез?

Трудно понять, что он имеет в виду, говоря об ужасах нашей жизни. О том, что мы якобы ни на что не влияем. Да любой человек, хоть какое-то время поработавший в Совете – а поработали ведь почти все – прекрасно знает, как все это функционирует, и как и на что мы влияем.

Почему, интересно, меня все-таки зацепила эта книга – и до такой степени, что начала портить настроение? Что я к миру стал относиться с подозрением? Побежал даже к Торресу, выяснять, о боже, не пристукнула ли зловещая ОЗ несчастного диссидента!

Я нахмурился. Достал бутылочку минеральной воды, открыл крышку.

Да все просто – Аркадий. Мертвые тигриные глаза, глядящие в черное небо.

Смерть – всегда психическая травма для окружающих. Для меня эта смерть далеко не первая. И вроде бы я должен это хорошо знать. Но получается, схалтурил сам с собой. Не проработал ситуацию, не дал себе отчета, как зацепила меня гибель Аркадия (может, было не до того – много работали, занимались спасением Линь, вот и не подумал). А подсознание услужливо подsunуло мрачную книгу... очень уж все легло одно к одному. Аркадий дал мне эту книгу (все же он был странным человеком! Да все это поколение несколько отличается от нас). Аркадий тут же погиб. В книге дан намек, что погиб, может быть, и не случайно.

Но не случись этой аварии, будь я в здравом уме – я бы и не подумал воспринять это всерьез.

...С детства не люблю минералку с газом. И здесь специально для меня включают в заказ безгазовую. Пока у нас большую часть продуктов возят с Марса. Хотя вот с водой это совсем глупо – мы поставляем воду на Марс, а нам оттуда ее везут закупоренную в бутылках. Но будет ли когда-нибудь на Церере поставлена хоть одна фабрика? Вряд ли... Зачем серьезно колонизовать этот кусок космического льда? Зачем нам автономия? То есть... пригодилась бы, но по большому счету человечеству это не нужно. По-настоящему вон народ готовится на Сиань, Нью-Атлантис, а теперь и на Радугу.

Я рассмеялся. Если посмотреть со стороны, можно подумать, что сумасшедший. Или что комм развлекает меня какой-нибудь комедией. А смеялся я своим мыслям, своему облегчению. Это же надо так вовлечься в безумную, бредовую литературную аферу. Кто такой этот Цзиньши? Кто-то из стариков, поколения моих родителей, наверное – но воевавший с дру-

гой стороны. Или не воевавший, а просто потерпевший. Мне-то доводилось сталкиваться и с такими в пансионате. Редко, конечно – ведь большинство не потерпели, а наоборот, обрели реальную свободу, возможности, стали убежденными коммунарами. Но парочку таких пострадавших я видел. Однако они не считали себя такими уж несчастными. Воспринимали как данность – ну да, вот были у меня миллионы, яхты, виллы, сады и наложницы. Все отобрали, а наложницы пошли ядерную физику изучать. Но потом я честно отработывал Службу в комплексе садов – давно мечтал розы выращивать, пользовался всеми благами цивилизации... То есть какие страдания? Это обычная жизнь. Один у нас даже был военный преступник, который после Освобождения лет десять провел в ЗИНе – до того, как их расформировали. И тоже ничего, интегрировался, жил, как человек. Даже симпатичный в чем-то – впрочем, наши подопечные все были по-своему симпатичны.

Но что может заставить человека в наше время сочинять вот такой бред? И на что он рассчитывает – что ему кто-то поверит? Да ведь чтобы поверить в такое, надо и самому серьезно страдать, и не от того, что девушка бросила – личных переживаний никто не отмечал, и не от смерти близкого – природу пока победить не удастся, а именно от общественных проблем. А такого не бывает! Не взяли на работу, куда стремился – есть огромный выбор аналогичных или хотя бы похожих. Не вписался в коллектив – найди другой, нигде не получается – иди на терапию, выясняй, в чем дело. Обидели почему зря – ищи справедливости в Совете. Хочешь что-то изменить в обществе – баллотируйся, активничай, обязательно заметят и выдвинут в совет какого-то уровня, а там тоже все зависит от твоей активности. Сколько времени тратишь на общество – столько и результата будет. Конечно, если хочешь что-то изменить, но сам на это не тратишь ни времени, ни сил – тут тебе никто не помощник.

Такое ощущение, что гора упала с плеч. Как же все это, оказывается, мучило меня в последнее время.

Вот даже сейчас сижу на дежурстве... вот так угнетает нас Служба. И ведь служба в Системе считается тяжелой, двойной коэффициент (ну ладно, на Марсе и Луне полуторный), рабочее время не 15 часов, а столько, сколько нужно – у нас, например, получается все 40. Так большую часть этого времени ты тупо сидишь за пультом, и если это не горячее дневное время – не делаешь вообще ничего. Или занимаешься личными исследованиями, на научную карьерку работаешь, любопытство удовлетворяешь. Или развлекаешься. Только спать нельзя, ну так заглотнул вигилин⁸ – и проблем нет.

Каждый раз, когда смотришь талантливый фильм или читаешь книгу – ты целиком под влиянием автора, ты увлекаешься, пытаешься понять его взгляд на мир... А потом это наваждение проходит, ты возвращаешься к собственному взгляду, к своей, реальной жизни. Чем бы заняться, подумал я. Можно посчитать факторы изменения веса. Я забросил таблицу, которую давно уже составлял. Но работать не очень-то хотелось. Послушаю лучше музыку. В последнее время я пропустил довольно много новинок у авторов, за которыми слежу. «Ленту», попросил я у комм, закрыл глаза для удобства и стал просматривать названия. Венский оркестр открыл сезон вечно юным Моцартом, «Три симфонии»... Венцы вообще специализируются на древности. У Второй Филармонии Шанхая две новинки, в том числе, «Космическая дуга» Сунь Хана, это интересно, это надо послушать. Или я, как любой системщик, уже болезненно-ревниво воспринимаю все, что пишут о Космосе? Легкий писк ворвался в сознание, и я с сожалением сбросил ленту.

Так и есть, мигает красным квадратик Четверки.

– Салвер-один, что у вас?

Стеклянный экран вспыхнул, на нем – озабоченное лицо инженерши Лю.

– Салвер-один, срочно нужна помощь в вакуумном.

⁸ Медикамент, поддерживающий состояние бодрствования (фант.)

Я поднялся, потянул медрюкзак из ящика.

– Что случилось?

– Потеря сознания. Сейчас он уже пришел в себя. Это техник новенький, Керим Мурад. Рвота...

– Покажи, – попросил я. Пациент жив, ничего срочного, надо понять, что брать с собой.

Парень сидел, согнувшись, на эстакаде, лицо бледное. Дышит, судя по всему, нормально. Медкибер уже рядом суетится.

– Выведи мне данные кибера! – попросил я. Вообще-то это все знают, Лю могла бы сообразить. Наверное, растерялась. Через секунду на мой комм потекли данные. Давление 100 на 60, пульс 84, температура 37,2, сахар 5,3, общий анализ крови – «работаю»...

Ничего страшного, кажется.

У кого сегодня готовность? У Сай. Я набрал ее комнату.

– Да?

– Сай, на Четверке ЧП, мне надо выехать.

– Мне с тобой?

– Нет. Посиди в дежурке. Там ничего страшного, обморок просто. Я съезжу сам.

– Иду уже!

Я стал натягивать скафандр.

В дежурке кто-то должен все время присутствовать. Я услышал шаги Сай в коридоре и не стал дожидаться – побежал к ангару. Историю происшествия Сай и так может прочитать, рассказывать некогда. По дороге я решал дилемму – пешком или на ровере. Триста метров – брать ровер вроде смешно, тем более, что ситуация не срочная; однако пешком я преодолею их медленнее раза в два, по открытке ходить не просто; к тому же по статистике передвижение в ровере значительно безопаснее, даже с учетом того, что дорога проложена и хорошо изучена, а метеоритная опасность на сегодня близка к нулю. Но неполадки с самим ровером случаются раз в столетие, а вот со скафандром и баллонами – значительно чаще. Пока я добежал до ангара, решение было принято. У нас на Первой ангар большой, у выхода стояло несколько готовых и заряженных машин, я выбрал четырехместный – вдруг придется везти больного к нам в стационар? Приложил ладонь к сенсору, забросил рюкзак в медленно открывшееся отверстие. Вскочил на сиденье и скомандовал «Четвертая База, полный ход», автопилот неторопливо тронул машину с места.

Я смотрел на расползание створа, космическая ночь будто ворвалась в ангар, и казалось, сейчас зальет все чернилами; смотрел на то, как позади остается шлюз, как открытое безграничное пространство окутывает ровер. Включил полную видимость. До горизонта справа тянулось бескрайнее, безрадостное серое поле, казалось, оно светится – по контрасту с окружающей бескрайней мглой, которую лишь подчеркивали игольные острия звезд. Если долго смотреть на этот серый цвет, кажется, что почва Цереры – это бумага, папье-маше, вся планета слеплена из складчатого картона.

Я перебирал версии, поглядывая на экран. Травмы не было, об этом Лю уже сообщила. Отравление? В вакуумном у нас хранятся сероводородные емкости. Сейчас ночная смена, народу мало, утечка сероводорода, плюс, допустим, скафандр негерметичный. Это может быть. Или пищевое отравление. Или инфекция все-таки – несмотря на все иммуномодуляторы, бывают вирусы, которые индивидуально пробивают защиту, а Керим недавно с Марса, кто знает, что он принес... Анализ крови готов! Лейкоциты повышены, что говорит в пользу последней версии. Заберу к нам, проведем полный скан... Все это время на краю сознания тлело ощущение: что-то не так... Что не так?

Я опомнился: да вот же! Слишком задумался, а между тем, на пульте мигает красный восклицательный знак. Массаракш, да что же такое? Что за невезение сегодня? Автопилот

мягко затормозил, и ровер ткнулся в грунт. До цели еще сто пятьдесят метров, почти половина пути.

– В чем дело? – я включил коммуникатор. Машина ответила бесстрастным механическим голосом.

– Неопознанные помехи ходовой части. Диагностирую. Движение не может быть продолжено.

Я застонал. Так не хочется тащиться с рюкзаком по открытке...

– Уточни, какие помехи? – спросил я.

– Самопроизвольное срабатывание стартера. Компенсирую.

Что это значит? Я попытался вспомнить матчасть ровера – но к сожалению, из головы все вылетело, а искать сейчас в комме схему и разбираться... проще уж пешком дойти. Но что там может случиться? Ерунда какая-то.

– Продолжай движение, – велел я. С роверами никогда ничего не случается. Это тачка на колесиках, что с ней может произойти? Теоретически там, конечно, есть аккумулятор, но даже при его взрыве... Машина резко дернулась. Мне стало не по себе.

– Стой! – приказал я. Автопилот не отвечал, ровер мелко тряся, видимо, раздираемый противоречивыми приказами. Я ударил по кнопке аварийного открытия. Но колпак не шевельнулся. Да что же за невезуха на ровном месте, тоже лекарь – не может два шага до больного сделать!

Надо подождать пару секунд, все выправится само. Машине нужно время. На пульте мигали уже с десятков кругов и восклицательных знаков. Похоже, с ровером что-то серьезное. Я снова попытался открыть дверь. Повернулся обратно к пульту и вначале ощутил первый мощный толчок – меня подбросило к потолку, а потом пульт передо мной стал выпучиваться, лезть прямо в лицо, я отшатнулся, и тут же – мощный удар, меня выдрало и понесло куда-то – и накатила тьма.

Потолок надо мной состоял из серовато-белой плитки, усыпанной точками вентиляции. Где я видел этот потолок? Да у нас же, на станции. Я дома. Ничего не болит, но двинуться невозможно. На правом плече два насоса что-то качают в кровь. Я слегка повернул голову. Темная фигура рядом шевельнулась. Кристи...

– Стани? Ну как ты?

– Нормально, – сказал я.

– Пить хочешь?

Она сунула мне питьевую трубочку в зубы. Постепенно я восстанавливал события в памяти. ЧП на Четверке... ровер... взрыв.

– Что... это было? – я выпустил трубочку. Кристи обтерла мне лицо салфеткой.

– Авария, очень странная. Взрыв аккумулятора, вроде и не страшно, только мотор пострадал, но нестандартно сработала катапульта. Тебя выбросило из кабины и сильно приложило о камень. Плюс дегерметизация скафандра. Хорошо, что ты был не так далеко от цели.

– Сейчас... какой день?

– Шестнадцатое, десять часов вечера. Ты почти сутки был без сознания. Стани, мы не можем тебя восстанавливать здесь. Скоро придет транспортник на Марс. Мы вызвали нейрохирургов.

– Что... со мной? – сердце упало. Неужели все так плохо?

– Ничего страшного, не пугайся. Перелом двух позвонков, грудной отдел. Сай уже прооперировала, но разрыв спинного мозга...

– Понятно. Сканы потом посмотрю.

Я пошевелил пальцами рук – это работает. Ноги не ощущаются совершенно. Их нет.

– Как это могло случиться? Что говорят техники?

– Ничего. Там все разворотило взрывом. Взрыв аккумулятора. Видимо, скопление газов, и почему-то стартер дал неожиданную искру. А вот почему так катапульта сработала – никто не понял.

– Автопилот говорил, неполадки со стартером, – вспомнил я.

– Говорят, очень редкий случай, – прошептала Кристина, – раз в тысячу лет и не такое случается, конечно...

Случай? Опять случай...

Я подумаю об этом как-нибудь потом.

– А что с этим... Керимом?

– А, да ничего. Небольшая гриппозная инфекция с Марса. Уже вылечили. Всю базу тоже проверили.

Я закрыл глаза. Вот и все, прощай, Церера. Прощай, Система и Космос вообще. Тут не о Системе надо думать, а о том, чтобы восстановиться и начать снова ходить – хотя бы на Земле.

– Ты не расстраивайся, – Кристи коснулась моего плеча, – это все восстановят. Разрыв мозга небольшой.

Ну да. А на Землю я так и так хотел возвращаться. Я салвер, мое место – рядом с людьми. Космос – не мое призвание.

Не так-то уж мне сюда и хотелось, если честно.

Красивое черноглазое лицо Торреса покачивалось надо мной.

– Стани, мне надо просто задать тебе несколько вопросов.

«У меня тоже есть к тебе вопросы. Жаль только, не могу их прямо задать».

– Ты как себя чувствуешь? Можешь говорить?

– Валяй, – буркнул я.

– Ты заметил что-нибудь подозрительное, когда садился в ровер?

– Если бы я что-нибудь заметил, то не сел бы, правда?

– И ровер был... ну один из многих, он не маркирован как-то, то есть ты не знал, что поедешь именно на нем?

– Конечно, нет. Ты что, не знаешь, как мы их берем?

– Знаю, но хотел убедиться, – Торрес моргнул, наверное, сделал пометку в своем комме. – Ты с кем-то разговаривал перед тем, как все это случилось?

– Вел переговоры... записано же. А так – нет. В этот день общался только с коллегами, пациентов приходило трое или четверо. Об этом есть записи.

Общественный Защитник Торрес покачал головой.

– Странно это все, понимаешь? Очень странная авария. Мы не понимаем, почему так произошло. Ты точно ни с кем не общался до этого?

– Я бы мог пройти ментоскопирование, если это поможет. Но ведь в моем состоянии это нельзя.

– Да, конечно, не надо, – Торрес снова мигнул. Потом спросил нерешительно.

– У меня еще такой вопрос. Аркадий Дикий... о чем все-таки вы говорили с ним перед его гибелью? Ведь вы говорили, я знаю.

Мое сердце сжалось от адреналина и застучало быстрее. Случилось. Он произнес имя Аркадия – как будто признал, что никаких «просто аварий» у нас не было.

Ну не бывает так. Два крайне маловероятных сбоя техники – и подряд. И пострадавшие как-то связаны между собой.

Надо сказать ему о книге, подумал я. Наверное, надо. Хотя это было бы уж совсем безумие... И если есть хоть малейшая доля вероятности, что это безумие – истина, что сумасшед-

ший «золотой лев» хоть в чем-то оказался прав... вот как раз в этом случае, как раз этому человеку ничего говорить не надо.

– Как тебе сказать. Он расспрашивал меня о матери. Рассказывал о себе. Он полетел на Цереру ради стажа – его могли назначить директором Пражской обсерватории, но не было горячего стажа... попенял, что у нас же не старые времена, а все еще от ученого требуются какие-то физические подвиги. Вот как-то так. В общем, обычный разговор.

– Он не рассказывал о каких-нибудь конфликтах, с кем-то из персонала «Тройки» или других баз?

– Нет, он ни о каких своих отношениях ни с кем не рассказывал. Да и виделись мы всего один раз. Ну до этого он пришел ко мне на прием. У него были головокружения. И заодно пригласил на концерт.

Торрес нахмурился. Его длинные темные пальцы бессознательно барабанили по спинке моей кровати. Я заметил, что один из насосов на моем плече сдулся – вся жидкость была перекачана в кровь, и он автоматически извлек иглу из вены и скукожился. Что это, не могу разглядеть – кажется, физраствор еще капает, значит, это был регенератор. Ну ладно, дежурный разберется.

– Жаль, – произнес наконец Мигель, – жаль, что ты не можешь хоть что-то ценное вспомнить. Если честно, я вообще не представляю, с чего тут начинать. Аварию в случае с Диким я проверил... как и говорил тебе. Но в конце концов, случайности бывают. Однако вторая, еще более маловероятная авария, второй сбой техники за месяц...

– Какая у тебя рабочая версия? – спросил я. Мигель блеснул красивыми черными глазами.

– Рабочая версия... Закон Оккама говорит нам, что все-таки случайность. Или же психический сбой кого-то из техников. Подстроить такое мог только специалист. Но ведь вы вроде следите за психическим здоровьем персонала. И отправить неустойчивого спеца на Цереру никто не мог.

– Неустойчивого! Да тут не простая лабильность, тут уже натуральное расстройство личности. Тяжелая социопатия!

– Есть кто-нибудь у вас в базе данных подозрительный? – быстро спросил Мигель.

– Нет, конечно.

Торрес похлопал меня по плечу.

– Извини, слышишь?

– За что? – натурально удивился я.

– Я не придал тогда серьезного значения нашему разговору. А ты ведь пришел специально поговорить об Аркадии. Я надеялся, что на Марсе разберутся. А надо было рыть самому! Может, и с тобой ничего не случилось бы...

– А... Да я и сам думал, что у меня просто травма, выгорание. Жалел даже, что к тебе пошел. Да все нормально, Мигель.

– Я его найду, – пообещал Торрес, – если это какой-то козел – я его обязательно найду. Или разберусь и пойму, что это было. Может, это техническое что-то, я загрузил ребят, они ищут. Но если, не дай Орион, это окажется чья-то злая воля, – лицо его перекосилось, – слышишь, я этому козлу реально не завидую.

Ли Морозова, «Последний, решительный бой».

Из главы 4-й «Краков, первые шаги». Год 16 до н.э.

Накануне второго этапа операции «Зомби» меня вызвал в Управление товарищ Бао.

– Поедешь в Краков, – сообщил он, стоя у окна и барабанив пальцами по подоконнику. Я вздохнула, глядя в его коротко стриженный черный затылок.

– У меня есть связи в Люблине, еще с армейских времен.

Я знала, что это бесполезно, но хотелось напомнить.

– Мы в курсе, – ответил Бао, – но работа в Люблине – для новичков. Там население настроено доброжелательно. Близка наша граница. Многие бегут в СТК. Краков расположен вблизи западной границы, там все намного сложнее. Это работа – для тебя.

Так на свет снова появилась Леа Ковальска, симпатичная белокурая полька, которая подзаработала в Федерации и была вынуждена вернуться на историческую нищую родину в Краков.

В феврале 16 года до н.э. я шла по Новой Хуте, среди серых зданий, не обновлявшихся более ста лет. Когда-то это были добротные, по-своему привлекательные дома пролетарского района, сейчас они напоминали апокалиптический мир – драные полуразрушенные стены, пустые бесстекольные проемы, в широких пространствах меж зданиями ветер перегонял кучки мусора. Широкие проспекты покрывал растрескавшийся асфальт. Серая европейская нищета, в отличие от живописной африканской. Возможно, она не так страшна – смертность от голода здесь значительно ниже, чем в Африке. Сказывается и близость границы, в Европе все близко, а стен здесь не строили. Люди умудрялись нелегально попадать в Федерацию – немного подработать. Самым распространенным видом заработка была проституция – набирали девушек, изредка молодых парней, менее легально – детей.

Старый Краков мог немного подкармливаться туризмом, хотя замок Вавель и прочие средневековые красоты – лишь повод; в основном богатые бездельники из Федерации ехали сюда за развлечениями иного сорта, запрещенными в якобы гуманной и просвещенной Западной Европе. Проституция, а также крайне дешевые гиды, закусовые, отели и их охрана от местной мафии – все это и здесь оказывалось самой хлебной отраслью, куда все стремились попасть. Больше в городе работы не было. Старый город был теперь окружен высоким забором – ведь там жили и относительно богатые краковяне. Нищие работники туристической отрасли каждое утро выстраивались у турникетов, чтобы попасть в приличный район.

Иную работу предлагала Новая Хута. Древний металлургический комбинат, как это ни странно, продолжал функционировать и после всех мировых войн и потрясений. Доля автоматизации здесь осталась очень низкой – зачем возиться с дорогим и капризным оборудованием, когда масса парней рвется постоять у доменной печи за несколько злотых в день. Без страховок и социальных гарантий – после мировой войны все это ушло в область преданий.

На этом заводе для меня нашли должность контролера ОТК на участке приема сырья. Пришлось дома пройти двухмесячные сверхинтенсивные курсы – кстати, организация таких курсов была непростым делом, потому что в Союзе давно уже все эти задачи были автоматизированы, и оставалось немного специалистов, знающих, как в старые времена был организован процесс.

Когда-то в школе я тоже работала контролером в нашем цеху «Электрона» – но на совершенно другом производстве. Здесь меня ожидала металлургия. Кроме выписанного в КБР липового диплома, все-таки необходимы были реальные навыки, очень помогли школьные знания химии и технологии.

Я шла по нищим кварталам Новой Хуты и вглядывалась в лица тех, кто, по мнению наших теоретиков, должен был начать здесь классовую борьбу. Простые, без всяких следов моделирования или даже ухода, усталые лица, древние джинсы и свитера. Но по правде сказать, больших надежд я не питала. Федерация – вот заветная мечта здешнего пролетариата. И это относится не только к горожанам, живущим мелкими подачками и мелкими заработками на туризме (не говоря о проституции, наркотиках и прочих щекотливых услугах). Пролетарии же Новой Хуты – во-первых, не без оснований считали себя местной элитой, ведь они все-таки могли заработать на съеме комнаты и на скудное питание. А во-вторых, и для них главной мечтой было – попасть в Федерацию. Чтобы эту мечту поддержать, раз в несколько лет на комбинате объявляли конкурс и забирали счастливиц – иногда на работу в Федерацию, а ино-

гда в армию Европейского Союза. Да, очень немногих – но этого хватало, чтобы у остальных тлела искра надежды.

Именно поэтому Африка в тот момент пылала – там людям терять было нечего, а вот в Восточной Европе все было глухо, несмотря на то, что усилия уже предпринимались. Основная проблема безвременья: каждый верит в возможность построить личное счастье, в отдельном доме, для себя и своей семьи. Вот только еще немножко усилий. Еще подкопить. Еще раз подать на конкурс. Пройти курс обучения. Еще раз написать резюме. Поэкономить деньги, и может быть, удастся...

И то, что не удастся, то, что здоровье хуже с каждым годом, денег меньше, а цены выше, дочь «зарабатывает» своим телом, а сына убили на границе – еще ничего не значит. Надо было лучше стараться! А потом наступает старость – и стараться уже поздно.

Скажи этим людям, что бороться нужно всем вместе, что надо, как минимум, добиваться повышения зарплаты и лучших условий труда – на тебя посмотрят, как на безумную: с кем бороться? С благодетелями, немецкими владельцами комбината из Федерации?

Мне дали невыполнимую задачу, думала я. Да и я ведь не подготовлена к такой работе. Я была разведчицей. У меня нет опыта работы с коллективами, подпольной борьбы. Я умею только добывать информацию. Ну что ж, досадно, если я не справлюсь, но я должна попытаться.

У меня был счет в банке, и в отличие от многих здесь, я имела на этом счете немножко денег – якобы заработанных в Федерации. Ничего удивительного, что я сняла не койку, а целую светлую комнату на третьем этаже, с добротной мебелью, с белыми занавесками.

Я легла спать и долго слушала визгливые голоса соседок за стеной, те бранились из-за каких-то кастрюль. Я смотрела на небо, но в нем не было ни одной звезды. Тоска начала овладевать мной: вот эти люди, с визгом орущие друг на друга, озабоченные чистотой кастрюлек – должны совершить революцию? Я должна их в этом убедить? Всплывали воспоминания о детстве в тусклой мещанской атмосфере, где наивысшей ценностью являлось барахло, и не дай тебе разум разбить чашку или перепачкать новую вещь. Мои родители, которые жили в СТК и видели все вокруг, – так и не стали коммунарами, лишь с трудом приспособились к новой, человеческой жизни. Но ведь здесь практически все – такие. Или нет? Чего начальство хочет от меня – невыполнимого?

Но я вспоминала Бинха, его узкие, спокойные глаза, его руки. Он был уверен, что мы справимся. И он в свое время организовывал забастовки даже не в Зоне Развития – а в сердце Федерации, в Мюнхене. Он и сейчас трудился в южной Германии, поскольку там адаптирован лучше всего. Всегда мысль о Бинхе придавала мне сил. Он как будто говорил мне за сотни километров: конечно, ты справишься. В чем проблема? Я чувствовала прикосновение его твердых, ласковых пальцев. Я знала, что все будет хорошо, что я справлюсь – мне только нестерпимо хотелось быть с ним рядом.

Но мы ведь будем рядом, думала я. После победы.

На следующий день я приступила к работе. Древний автобус долго собирал нас по остановкам и вез по ухабам к заводским воротам. Некоторые шли пешком несколько километров, велосипедистов пересчитать по пальцам, и те в основном – умельцы на собственных конструкциях, даже велосипед купить рабочему – почти недоступная роскошь.

На работе я первое время испытывала хронический стресс. Мы принимали уголь, вели документацию, а затем формировали пробы угля для его отправки в лабораторию. Пересыпать, отвешивать, прессовать в квадратные брикеты – все это однообразная физическая нагрузка, и несмотря на хорошую подготовку, в конце дня я изрядно уставала. Женщины со мной работали в основном немолодые, мощные, крепкие. На меня сначала посматривали со скептициз-

мом – мол, выглядишь не впечатляюще. Но с физической формой проблем не было. Вот что в начале было трудно – обеспечивать необходимые качество, точность и скорость.

Десятичасовой рабочий день, конечно, выматывал. Но все же эта работа была лучше, чем труд экономкой у миллиардера Гольденберга. Там я ощущала себя прислугой, на меня орали, унижали, тыкали носом в действительные и воображаемые косяки. Приходилось командовать другими слугами, да и сама работа в богатом особняке достаточно сложна. Здесь же я стала участником производственного процесса, и это напоминало мне светлые школьные времена. Хотя здесь рабочие ненавидели свой труд и были лишь исполнителями – в отличие от ситуации у нас в СТК.

На третий день я взяла с собой несколько листовок без подписи, где был дан только один из моих подпольных телефонов с автоответчиком. Я не рассчитывала всерьез, что кто-то позвонит. Листовки были поводом завести разговор на нужную тему. «Гляди, чего я нашла у себя в ящике. Интересно, по-моему. Ты что об этом думаешь?» Коллеги-контролеры равнодушно отворачивались, пожимая плечами. Мне удалось завести такой разговор и с несколькими литейщиками после смены – с тем же результатом.

Так прошло еще несколько дней. Я начала беспокоиться, получится ли вообще хоть что-нибудь. Вся операция была не продумана. Бинх в Мюнхене пользовался уважением со стороны коллег. А кто я – новичок в специальности, мне потребуются годы, чтобы добиться такой же легкости и уверенности, как у других контролеров. Со стороны все кажется простым: внедрись на завод, работай, помогай людям, обрети авторитет, пусть с тобой советуются, оказывая помощь в трудных ситуациях, а потом – агитируй и обретаешь сторонников.

Но я – не харизматичная личность. Женщина в Польше – низшее существо, а тут еще – на производстве, где главную роль играют мужчины, и без их поддержки невозможно ничего сделать. Коллеги женского пола в основном старше, для них я соплюха. К тому же я новичок в профессии. Какое там «помогай и обретаешь авторитет»? Мне бы кто помог и подсказал.

В каком безумном мозге родилась эта идея – отправить меня на Нову Хуту? Из обычных разговоров я поняла, что практически все рабочие здесь очень дорожат своим местом, презируют «городских» и считают себя счастливыми оттого, что могут хоть что-то заработать. Да еще мечтают попасть в Федерацию и боятся «Севера», или «Холодной Зоны», про которую им рассказывают ужасы. То есть все мои предположения оправдывались.

Волевым усилием это не изменить. Не созрели условия, и я к тому же не гожусь для работы в этом месте и в таком качестве. Я поняла это. Но продолжала тупо ходить на работу, заводить разговоры, а по вечерам прослушивать автоответчик, хотя это и было бессмысленно.

В один прекрасный вечер на автоответчике я услышала взволнованный голос мужчины. – Эта... я... короче, хочу поговорить. Позвоните, мож, встретимся!

Я едва не подскочила. Написала на сохраненный номер сообщение с местом и временем встречи. В ответ пришло «ОК». На следующий день сразу после работы я двинулась на свидание. Пересекла Центральную площадь имени какого-то Рейгана, проспект Яна Павла II и оказалась на Лугах. Здесь в самом начале стоял древний ветхий обелиск, насколько можно разобрав надпись – в честь «Солидарности», что-то из событий XX века, о которых все давно забыли. У этого обелиска я и назначила свидание незнакомцу.

Он сидел на ветхой скамье и при моем появлении вскочил. Ему было лет тридцать, нормальный такой поляк – коротко стриженные светлые волосы, серые удивленные глаза. Довольно крупный и широкий в плечах, и с характерно темным лицом – по специальности, как я позже узнала, был конвертерщик, плавил сталь.

- Привет, – сказала я, – рада, что ты пришел. Не удивляйся, я одна.
- Не боишься одна здесь ходить? – его крепкая ладонь сжала мою руку.
- Не боюсь. Ну так что, интересная листовка?

– Ну в общем да, – он кивнул, – честно говоря, давно думаю о чем-то таком. Есть и другие, но мы все, понимаешь, по одному. А ведь когда-то было же иначе, мне дед рассказывал. У меня дед коммунист был, ты, может, не знаешь, что это такое – сейчас мало кто знает. Ведь может же быть иначе, правда?

– Конечно, – кивнула я, чувствуя, как с каждым словом этого поляка в мое сердце вливается новая надежда. А вдруг все-таки получится?

– Кстати, тебя как зовут? Меня – Леа.

– А меня зовут Станислав.

Станислав Чон, Кузин, 032 год КЭ.

Глава 3. На земле. Кузин, новая жизнь

Я все никак не могу привыкнуть к голубому небу. Уже почти полгода прошло. И почти два месяца, как я на Земле. И к гравитации до сих пор не привыкну, еле ноги поднимаю. И небо – только увижу, как хочется улыбаться. Настроение поднимается сразу.

Из санатория меня выписали с оговорками – мол, надо реабилитацией заниматься, тренажер велели заказать специальный. Мол, никакой Службы еще с полгода. А я и не собирался на службу устраиваться, если честно. Хотя и проблем никаких не замечаю – прекрасно хожу, бегаю, прыгаю, танцую даже.

До Челябинска я добрался на стратоплане – все-таки три тысячи километров почти. Можно было взять одиночный джет, но я как-то стал опасаться полетов и поездок в индивидуальном транспорте. В Челябинске не задержался, сел на магнитку и поехал на северо-восток по Уральской Дуге.

Я выбрал скоростной поезд без остановок. Мимо мелькали гроздь городских кварталов, синие горы вдали, березовые рощицы, сосновые леса, озера, снова кварталы причудливых зданий, утопающих в зеленых садах. Уральская Дуга – одна из ОПЗ («областей плотного заселения») – не город, не мегаполис, протянувшийся чуть не на триста километров с юга на север. Просто дуга, где городские районы переходят в заповедник, он дальше – в поселок, тот – в лесопарк, и снова начинается городской район, и озеро, где запрещена застройка, и горный резерват, и снова поселок. Где люди живут практически везде – но неплотно, разделенные полосами парков, садов, заповедников, которые, в свою очередь, прорезаны магнитными дорогами и дорожками для личного транспорта.

Это не душный город с куцыми островками скверов и садилов, не деревня без современных удобств. Это Дуга. Таких агломераций на Земле множество; Рурский район, где один город перетекает в другой через улицу, возник еще в XX веке, а теперь их сколько угодно. Шанхайская Агломерация, Сердце Америки – Вашингтон/Нью Йорк и окрестности; Ленинград скоро встретится с Москвой в «Русской Тройке» (Великий Новгород уже влился туда). По сравнению с ними Уральская Дуга не так уж велика.

И все же, когда приезжаешь в агломерацию, не оставляет мысль: нас слишком много. А места, пригодного для заселения, после войны и подстегнутого ею климатического коллапса осталось мало. Конечно, теперь у нас есть Гренландия, заселяется прибрежная Антарктида – зато не стало Японии, а от экватора люди уезжают подальше, там только поля фотовольтаики и гроздь пищевых фабрик.

Нас уже опять почти двенадцать миллиардов. Мировой Совет ввел ограничение – один ребенок на женщину. Мы стали значительно дольше жить. Смертность очень низкая. Все это прекрасно, но... нам нужно выходить за пределы Земли.

Все это так очевидно, знают об этом даже маленькие дети. Но когда речь идет о том, что именно ты должен отправиться в мир, где нет магнитных дорог и уютных кафе, а есть неизученная и опасная флора и фауна... Не в экспедицию, не ради приобретения коэффициентных заслуг, а навсегда. Да и служить там придется не 15, а все 30 часов в неделю, и синекуру для Службы не найдешь, надо вкалывать везде в полную силу. Нет, мы не инды⁹, мы все понимаем про необходимость жить для общества, но ведь столько разных объяснений, почему каждый из нас не готов улететь с Земли.

Впрочем, кто-нибудь найдется. Я, наверное, нет, у меня здесь слишком много дел – но кто-нибудь найдется. Набирают же колонистов.

---

⁹ «Инда» – индивидуалист, распространенное ругательство эпохи диктатуры пролетариата (фант.)

Мне же для начала надо выяснить, стоит ли это общество того, чтобы ради него жить.

Я сошел в Кузине – поезд остановился на центральной платформе. Мать встречала меня, я увидел ее издали – и не поймешь, что ей за восемьдесят: спортивная фигурка, пестрое пончо, светлые волосы раскиданы по плечам, лицо женщины «второй половины жизни». Сейчас все так, понятие старости потеряло смысл, у нас теперь есть только люди молодые и зрелые.

Настоящая старость начинается за сто лет или даже позже.

И все же у меня почему-то защемило сердце при виде мамы.

Рядом с ней сидел большой белый пудель Чарли, увидев меня, он вскочил и вежливо завил хвостом.

Мама побежала мне навстречу. Мы обнялись. Конечно, мы уже виделись в санатории, мать приезжала ко мне, я знал обо всех обстоятельствах ее жизни – нога практически не болит, у подружки Гульнары родился правнук, Чарли научился таскать колбасу из коквинера¹⁰; с осени маму пригласили опять читать лекции в Уральском Философском Клубе. И она тоже знала о моих делах – хотя в последние месяцы все они сводились к тому, насколько я научился двигать ногами, вставать, плавать, ходить...

– Сташу, ты можешь сразу пойти к себе, если хочешь. Как я уже говорила, твоя квартира от меня недалеко. Так удобнее. Но я приготовила бигос...

– Пошли-пошли, – я забросил рюкзак на сиденье электропузыря. Целый ряд ярких пузырей стоял у вокзала в ожидании желающих ехать. Мама села на место водителя и небрежно пощелкала старинной клавиатурой, настраивая автопилот. Машина с громким чпоком оторвалась от зарядного столбика и покатила по выделенной дорожке.

Идиллическая картина – мать хочет накормить сына привычной домашней кухней. Вот только мать сроду не готовила ничего, и все время, которое я в детстве проводил с ней, мы питались из автомата или в кафе. Это было неплохо, я ничего не говорю. Но теперь она увлеклась готовкой не на шутку – атавизмы, что ли, всплывают под старость, память предков? Изображает из себя традиционную бабушку, вот только не понять, какой традиции – то русские блюда приготовит, то польские, а то вообще мексиканские.

Я очень давно не жил в Кузине. Вначале – учеба в Ленинграде, потом станция Патруля на Алтае, затем Церера. Как же много здесь изменилось за эти годы... Я прилип к прозрачному стеклу – кажется, на город наступал лес, здания все больше скрывались за густыми рощами. Вот это да – бывшую ТЭЦ у речки наконец снесли, и теперь до самой Кузинки простиралось широкое поле, по краю все усыпанное незабудками. Май... Мне захотелось немедленно выйти и нарвать незабудок. Глупости, времени у меня еще много, да и зачем портить красоту.

– А что здесь будут строить? – спросил я. Мать точно в курсе всего, что происходит вокруг, она вечно такая активная.

– Ничего, – ответила она, – сейчас же новый тренд – биотопы. Будем жить на лоне природы.

Чарли просунул морду ко мне с заднего сиденья и с чувством лизнул в ухо.

Пузырь съехал с эстакады у знакомого дома. Сейчас многие стоят на очереди на получение отдельного домика, маме, вероятно, дали бы вне очереди. Но она сохранила ту же квартиру, в которой мы жили во времена моего детства – правда, тогда она часто уезжала.

Никогда не понимал любителей отдельных домиков, называющих многоквартирные дома «человейниками». Ну хорошо, так еще можно назвать здания 20–21 веков, похожие на соты. Но сейчас дома даже выглядят совсем иначе. И с соседями ты можешь встретиться только

---

¹⁰ Коквинер – (лат. coquina – кухня) кухонный автомат, самостоятельно создает запасы базовых продуктов, заказывает новые, готовит по введенным в него рецептам (фант.)

в нижнем холле. Очень просторном, с зимним садом, с дверцами в фитнес-центр, бассейн, кафе, ясли-сад для детей.

Сейчас здесь никого не было. Мы подошли к ряду лифтов, и вскоре кабинка раскрылась, выпуская нас в коридорчик прямо перед нашей старой квартирой.

Все как в детстве. Даже старая пальма – или это новая в том же горшке, белом с зелеными полосками, с щербинкой наверху? Коврик разве что коричневый, а раньше лежал зеленый.

Двери разъехались перед нами.

– Устал? Посмотри пока квартиру, а я все разогрею! – маме нравилась роль хозяйшки. В сопровождении Чарли я обошел комнаты. В моей старой ничего не изменилось с тех пор, как я был старшекласником – даже трехмерная интерактивная карта мира по-прежнему висела на стене. Мать мне посоветовала, помню, ее повесить, когда мне было лет десять – «помогает представлять, где и что находится». Кровать, полукруг рабочего стола, кресло, ниша с вещами – наверное, там даже мое старое барахло сложено до сих пор.

Ну надо же!

Все остальное мама перестроила, конечно. Дизайн гостиной вполне современный, по псевдокаменной стенке струится вода, вьется тенелюбивая зелень; по полу из зеленого ворса – под травку, ползет пылесос; а вот и совсем новенькое – к квартире теперь пристроен сад-балкон, ну понятно, это для собаки, Чарли может в любой момент выскочить, сделать дела, погулять. Раньше мы животных не держали – я жил в ШК и не очень интересовался зверьем, мама в постоянных разъездах.

Из старого – только стеллаж с бумажными книгами, мама коллекционировала эту древность зачем-то, все никак не могла расстаться, да и книги были, видимо, скорее, сувенирами на память – немецкие, польские, русские, преимущественно марксистская либо историческая литература. В стеллаж был встроен сейф, тоже хорошо мне знакомый, теперь он для общего антуража был обит деревом, а раньше сверкал голыми металлическими стенками. В этом сейфе мама всегда хранила оружие.

В ее спальню я заглядывать не стал, должна же быть какая-то приватная сфера. Захочет – сама покажет.

Бигос оказался вполне неплохим, хотя мне сложно оценивать – не знаток. У мамы теперь стоял не только коквинер, а полноценная кухня, с деревянной столешницей, горкой с рядами специй, набором кухонных причиндалов, примагниченных к стене. Ну да, она же теперь кулинарией увлекается. И столовую часть переделала – раньше у нас был прозрачный сиреневый стол и стулья, теперь все деревянное, натуральное, скамья с полосатым ковриком. Тоже к корням возвращается.

Теперь я видел у нее на лице морщинки. Лифтингом она явно не увлекалась. Но в целом выглядела неплохо, никаких обвислостей, движения легкие, плавные. Видно, что и суставы в порядке, и гибкость сохранена. Мысленно я сделал заключение, что беспокоиться о здоровье мамы пока не надо.

– Ну и чем ты теперь хочешь заняться? – спросила она вскользь, жестом включая чайник. Неизменные традиции, конечно же. Как же не попить чаю?

– Я пока сделаю перерыв по Службе.

– Ну да, у тебя же пока что и больничный, насколько я понимаю, полгода – это минимум при такой травме.

Я улыбнулся.

– Кроме того, я работал на коэффицентном месте все-таки. И рабочая неделя у нас была сорок часов. Так что почти восемь с половиной тысяч часов Службы у меня на счету. Десять лет можно абсолютно никаких долгов обществу не отдавать. Да еще до Цереры полтора года сверхурочных накопилось.

Мама вздохнула.

– Эх... когда Службу ввели, я еще была в рабочем возрасте, но мне закрыли счет после первого года. Так и не могу понять, как это для людей ощущается – тяжело? Напряжно? Как обязателька?

– Да в общем, нет, – я пожал плечами, – в принципе, я не хотел бы жить без Службы. И для многих она совпадает с любимым делом.

– А для тебя? Разве салверство...

– Не знаю. Не могу сказать, чтобы я не любил эту работу, или что я для нее не гожусь. Наверное, это мое... Но иногда думаешь – и что, вот это все? Все, для чего я живу? А для чего – я пока понять так и не смог.

– Ты же музыкой увлекался, – вспомнила мать. Я улыбнулся.

– Моцарта из меня точно не выйдет.

– А игры?

– Мам, ну кто не играет? Каждый второй либо в реале, либо в онлайн-ролевик.

Мы не стали продолжать дискуссию о смысле жизни. Мать больше интересовало, что я намерен делать здесь, в Кузине.

– Ты же о чем-то думал, что-то планировал... Конечно, я очень рада, что ты будешь рядом со мной. С твоей Церерой мы не могли даже перезваниваться, и это ужасно просто! Но все-таки интересно... просто потянуло к корням?

– В общем, да.

Это было трудно объяснить. Мать внимательно смотрела на меня. Она проницательный человек. Умеет, блин, допросы вести. Мне казалось, она догадывается, что дело здесь не только в желании покалеченного человека вернуться к родному дому.

– Понимаешь, – сказал я, – за последнее время... так вышло, что мне надо во многом разобраться. В нашем мире. В том, как все устроено... в истории, почему все так произошло, а не иначе. Здесь, в Кузине мне все знакомо. Я хорошо знаю и помню эти легенды, я вырос на них. Да и ты – ты можешь тоже что-то подсказать, помочь. Хочу понять, как это все происходило. И исходя из этого понять современный мир. Мне кажется, здесь это выйдет лучше всего.

– Ну что ж, стараться понять – это похвальное занятие. Хорошая работа. Ты знаешь, когда вводили Службу, ведь не случайно разделили эти два понятия – служба и работа. Раньше работой называлось только то, за что платили деньги, ну или уже после революции – за то, за что ставили на снабжение. А теперь это стали называть Службой. А работа...

– Работа – это то, ради чего человек живет, – кивнул я, – я в курсе, мам, мы в школе это все очень хорошо разбирали. Это активность по отношению к окружающему миру, себе самому... Читать книгу – это работа, проводить время с близким человеком – работа; тренировать тело – работа. Все, что уменьшает количество энтропии – работа. А что ее увеличивает – как правило, нет. К работе никто не может принудить, но она – смысл жизни и ее содержание. Ты, кажется, до сих пор беспокоишься, не планирую ли я лежать на диване и плевать в потолок, увеличивая мировую энтропию?

Мама засмеялась.

– Ты взрослый человек, – сказала она, – и я люблю тебя, каким бы ты ни был – можешь лежать и плевать в потолок. Тем более, что ты ранен и все еще не восстановился. Мне просто интересно, чем ты живешь, о чем думаешь – вот и все. Я не оцениваю.

– Трудно воспринимать тебя иначе, как оценивающую инстанцию, – признался я. Мать сморщилась.

– Мне всегда хотелось быть для тебя просто источником безусловной любви.

– У тебя это не совсем получается. В смысле, я знаю, что ты любишь меня... я тебя тоже люблю. Но ты сама такая... понимаешь – ты такой железный, героический человек, всю жизнь посвятивший Службе, что твою близость уже невольно воспринимаешь как оценивание,

уже смотришь на себя и думаешь – где ты накосячил, соответствуешь ли ты такому высокому образцу.

– Тьфу на тебя! – воскликнула мать, – я сейчас обыкновенная старушка! Ну правда, – она посерьезнела, – я на самом деле немножко работаю сейчас. Я книгу пишу.

– Правда? О чем?

– О прошлом. Я же не писатель, сочинять не умею. Но мне сказали, что мой опыт, он все-таки того... важен. Ну вот я и пишу.

– Про Освобождение?

– Да. Она называется «Последний, решительный бой».

– Дашь почитать?

Мать вдруг замялась.

– Наверное, дам. Потом. Сейчас... я еще не очень готова.

К вечеру мы вышли прогуляться. Я сразу прихватил рюкзак, и мама проводила меня до квартиры, которую заранее сняла для моего – пока временного – проживания. Если я захочу, могу остаться в этой квартире хоть всю жизнь, конечно.

Мог бы снять и сам, но решил попросить маму – ей это явно было приятно, да и она лучше знает современный Кузин, и снимет так, чтобы мы жили друг от друга недалеко.

Жилой комплекс состоял из причудливо расставленных друг на друге цилиндров, в промежутках топорщилась зелень – сады на крышах и балконах. Эта конструкция приятно вписывалась в окружающий смешанный лес, магнитка и транспортная дорожка проходили позади комплекса, а перед ним текла Кузинка с песчаным пляжем, на котором даже сейчас, в майский холодок, были видны безумные купальщики.

Речка, как выяснилось, была видна и из окна моей квартиры – что очень порадовало. Река, верхушки деревьев, синее небо. Квартирка совсем небольшая, двушечка, но мне она казалась огромной – после комнатухи-гробика на Церере и даже очень неплохой комнаты в санатории. Больницу я почти не помнил, там я все время был заторможенный от медикаментов.

Квартира была обставлена безликой стандартной мебелью для холостяка средне-молодого возраста. Белые стены, белые римские шторы и голубые занавески, псевдодеревянный пол. Спальня – кровать и шкаф в нише, кресло, зеркало; гостиная – диван, кресло, столик и два комода, много пустого пространства; балкон совсем небольшой и пустой, вся мебель однотипная – псевдодерево в тон полу, светло-синяя обтяжка. На кухне точно в том же стиле обеденный стол и четыре стула, стол для готовки и коквинер – ну понятно, стандартный холостяк средне-молодого возраста вряд ли станет утруждать себя приготовлением пищи, все автоматизировано.

Понравилась мне ванная, судя по всему, это мама позаботилась и поставила туда массажный аппарат, что для реабилитации, конечно, не лишнее; довольно большое джакузи, многофункциональная душевая кабинка, домашняя сауна. Много свободного места и даже еще кресло, чтобы отдохнуть после сауны, очевидно.

Мама уже позаботилась и о вещах. Квартиры всегда сдаются со стандартной мебелью, но перед заселением можно заказать и минимальный бытовой набор. Некоторые, конечно, долго сидят в каталогах, выбирая зубные щетки под цвет коврика и столовые сервизы от лучших дизайнеров. Мама в курсе, что я вряд ли стану тратить на это время, и поэтому за пару дней до моего вселения специальная служба пришла и расставила в кухне на полках типовые тарелки и кружки, в шкафу – постельное белье, в ванной – полотенца, щетки, губки и наборы гелей и кремов, словом, все, что нужно человеку для жизни. И ведь кто-то выбирает такую Службу – это пока невозможно автоматизировать.

Я разобрал свой рюкзак – собственно, все личные вещи, какие есть. Любимый планшет, пара рубашек и носков, которые мне особенно понравились и которые я хотел бы еще поносить, вязаный свитер – подарок Марселы, коробка со всякими медальками и значками, полученными по разным поводам, серебристая рамка со снимком – наша команда салверов на Церере, камешек с Цереры – это все мне прислали ребята на Марс, когда я там лежал в госпитале. Я поставил снимок и камешек на комод в гостиной, взгляделся в лица друзей. Кристи махала рукой, а Вэнь положил руку на плечо Сай. Резанула тоска... Конечно, мы еще увидимся когда-нибудь. Но неужели вот это – завершилось навсегда?

Конечно, я могу вернуться на Цереру. Может, они еще будут там, Кристи вообще не собиралась уходить из Системы. Наверное, я пройду теперь конкурс еще быстрее...

Но вот можно ли дважды войти в одну реку...

– Оставив дизайн квартиры, мебель и барахло как есть, я дозаказал рекомендованный мне тренажер, благо в гостиной места для него хватало. Через два часа тренажер мне доставили два дрона через балкон, я повозился с полчаса, собирая его из трех уже готовых узлов, и кинул изготовителям возмущенный отзыв через комм – могли бы и попроще для пользователя сделать. Еще я заказал кое-что из одежды, но это обещали доставить завтра. Включенный коквинер уже наполнил холодильник – в доме имелся склад и прямая линия доставки, исправно приготовил мне чай и легкий ужин – салат с тунцом, и тут же напоминающе распахнул отверстия посудомойки и мусорного отсека.

Я и отвык от таких услужливых бытовых машин. На Церере консервы мы открывали и раскладывали собственными ручками.

Остаток вечера я смотрел актуальные передачи, блоги, в открытое окно врывался чистый прохладный весенний воздух. Наконец под мерное бормотание очередного эксперта о растущем числе нарушений ограничения рождаемости в некоторых регионах я незаметно заснул.

Глава 4. Начинаю изучать историю

С утра я влез в тренажер и позанимался упражнениями. Затем с наслаждением принял душ – контрастный, с локальным водным массажем, после Цереры не могу снова привыкнуть к такой роскоши. Вынул из кофеварки и поставил на стол готовый завтрак – овсяные хлопья с молоком, нарезанные дольки апельсина и ананаса, бутерброд с лососем, чай. Позавтракал под актуальные новости из авторского блога Октопуса – этот журналистский коллектив полюбился мне давно, я и на Церере в основном получал известия через них.

Потом я запихал тарелку и чашку в отверстие посудомойки, принял на балконе беспилотник с пакетом заказанной одежды. Разложил штаны, рубашки и белье по полкам сразу же, переоделся и отправился работать. Не служить, а работать.

Работать я теперь собирался не где-нибудь, а в кузинском Музее истории.

Мое жилье располагалось далеко к западу от исторического центра города – еще лет пятьдесят назад здесь тянулись дикие предгорья. До музея надо еще добраться. Но это не беда – возле дома, как водится, располагалась стоянка с гроздьями пузырей, электрокатами, а чуть подальше – станция магнитки, пять-шесть остановок на медленном поезде – и ты в центре.

Я выбрал электрокат с сиденьем. Проехаться с ветерком, вдохнуть родной воздух, отметить взглядом, как меняется город. Дорожка для этого вида транспорта располагалась рядом с тротуарами и аллеями, только была отделена и от полосы пузырей, и от пешеходной полосы синей разметкой. Пешеходов, впрочем, было немного, зато электрокаты и пузыри шли сплошным потоком. Практически через лес, точнее – лесопарк. С основной дороги здания были плохо различимы, сплошной кустарник, зеленые поляны, с другой стороны – клумбы и художественные купы деревьев и причудливых растений. Даже биоарт встречался – новое художественное направление генной инженерии. Впрочем, многие деревья еще не распустились, и полностью оценить талант биоартистов у меня не было возможности. Клумбы были усеяны тюльпанами, нарциссами, ландышами.

Наконец дорожка вошла в Старый Город, который выглядел так, как, наверное, привыкли воспринимать город наши предки. После войны Кузин лежал в руинах, целых зданий осталось мало. Причина – не столько ударная волна от упавшей к югу термоядерной бомбы (к счастью, новой, с «чистым» запалом), сколько артобстрелы при дальнейших битвах за город между казахскими и китайскими бандами, а также при обороне уже революционной коммуны Кузина. Из старого центра мало что восстанавливали. Кузин – это же не Дрезден или Псков, там и до разрушений стояли лишь обычные пяти – или девятиэтажки, серые массовые здания. Но кое-что все же было надстроено, восстановлено, пара кварталов совсем старого города, парк Памяти, площадь Революции, аллея Героев.

Исторический музей располагался внутри парка Памяти; стоянка пузырей находилась снаружи, а вот на электрокатах можно было заехать и внутрь, но я не стал. Решил пройти через парк, хорошо знакомый по школьным годам. Восстановить память о той атмосфере.

Почему я решил приехать именно сюда?

Причин можно назвать множество, но об истинной я даже не собирался никому говорить. Лежа с переломанным позвоночником, я дочитал книгу Цзиньши. Много думал о ней. Возможно, в другое время этот текст показался бы мне игрой циничного ума – невооруженным глазом заметны передергивания. В том, что касается нашей современной жизни, я мог их увидеть. В том, что касается истории... Я не специалист, а вопрос это сложный. Можно и так, и сяк интерпретировать. Любая революция для кого-то – счастье освобождения, а для кого-то – гибель и наступление эпохи великой тьмы. И каждая группа силится выдать себя за неких абстрактных «всех» (хотя, казалось бы, первая группа должна знать о классовом подходе).

Но история – это прошлое, оно закончилось, нынешняя жизнь меня совершенно устраивает, и повторяю, не стал бы я сколько-нибудь всерьез задумываться над этой безумной книгой. Первый раз я начал ее читать и размышлять о ней лишь из-за гибели Аркадия, который дал мне этот файл.

Теперь я не мог об этом не думать, эта книга имела тесную связь с моим поврежденным спинным мозгом, с моей болью, моей неподвижностью. Две крайне маловероятных аварии подряд? Позвольте не поверить. Кто-то пытался убить меня, и этот же кто-то убил Аркадия. Бывает, в Системе гибнут люди – но не с такой частотой. И не при таких обстоятельствах.

Я не детектив, и в Систему я больше не попаду. ОЗ, возможно, будет что-то расследовать – или не будет, я не знаю. Изучить ситуацию на месте у меня в ближайшие годы не получится. По возможности, конечно, я собирался поискать информацию, статистику по смертям – то есть этот вопрос меня тоже интересовал. Однако этим можно заниматься где угодно.

Но книга имела и другое измерение – историческое.

Историю я изучал только в школе. Единственный эпизод, который мне известен более или менее хорошо, – это наша, Кузинская революция и построение в нашем отдельно взятом уральском городке социализма с постепенным переходом в коммунистическую формацию.

Я вырос в Кузине, в одной из местных школ-коммун, в нашей же школе училась моя мать, училась знаменитая Лада Орехова, это была вообще вторая из созданных в Кузине ШК (первая, кстати, располагалась прямо здесь, на территории парка – бывшего Новогграда).

Наша школа занималась по поручению городского Совета поддержанием Парка Памяти, мы убирали его, следили за сохранностью памятников. Каждый памятник здесь я знаю как свои пять пальцев. Даже имена с огромной стелы над братской могилой отпечатались в памяти. История революции в Кузине, история создания коммуны – на этом я вырос. Конечно, все мы знаем и про Ленинградскую коммуну, и про «хайнаньский десант», и про Корейскую войну, и про Венесуэлу, и про подписание договора СТК. И так далее, вся история в целом известна, а если подзабудешь подробности – всегда комм к услугам.

Но то, что происходило в Кузине, впечаталось в память сердца, прошло через эмоциональный интеллект. Имена Алексея Воронкова или Марии Кузнецовой – вроде имен близких умерших родственников¹¹.

Где же, как не здесь, начинать мне распутывать этот страшный клубок?

На чем же, как не на этом материале подвергать проверке этичность всего происшедшего, правоту, или неправоту, или частичную правоту Цзиньши? Конечно, у меня ситуация еще проще – моя мать сама героиня Освобождения. Но лезть к матери еще с какими-то распросами? Она уже рассказала мне обо всем, о чем посчитала нужным рассказать.

Впрочем, и с ней я тоже, разумеется, поговорю.

Отсюда и начнем. С истоков. С того, что я впитал в детстве кожей, всеми порами, с первых историй, которые поражали мое пацанье воображение, в которые я играл с ребятами, выстреливая деревянные автоматы из палочек.

Парк Памяти. Его переименовали не так давно, раньше этот район назывался Новоград. Все здания здесь построены уже после Большой Войны, выглядят как обычные постройки 21-го столетия. По тем временам даже роскошные. Здесь был небольшой, обнесенный стеной, хорошо охраняемый поселок для хозяев единственного тогда в городе завода. Нашего знаменитого «Электрона».

После войны здесь разбили парк, стены снесли, а братские могилы погибших при штурме Новогграда так и остались посреди парка. Правда, теперь они не воспринимаются как могилы. Я

---

¹¹ События, связанные с революцией в Кузине, упоминаемые далее персонажи описаны в книге «Перезагрузка», https://ridero.ru/books/perezagruzka_2/

издали увидел знакомую гранитную стелу. Обычный древний памятник, вроде Ленина на площади Революции, перестоявшего аж ядерную войну.

Здесь, на стеле высечены имена. Я любил читать их в детстве, как книгу, и выучил чуть ли не наизусть. Имена и позывные. Мурза, Ильдар Байгуллин. Белый, Виталий Михайлович Речкалов. Чума, Светлана Николаевна Васильева. Не то чтобы я знал подробности о каждом из них – нет, конечно, настолько в историю родного края я не углублялся. Мне просто нравились имена. Я воображал себе людей, стоящих за ними, придумывал, как они выглядели, сколько им было лет, как они попали сюда...

Я лишь скользнул взглядом по столбику знакомых имен и поразился тому, что многое, оказывается, забыл. Но это не так уж важно. Все равно мне казалось, что я стою у кладбища моих предков, родственников, никогда не виденных, но от этого не менее родных.

Здесь только погибшие при штурме. Есть еще могилы у Музея Революции, там лежат те, кто погиб до и после образования коммуны в Кузине. У «Электрона» тоже есть свой маленький мемориал.

В нескольких метрах от стелы – знакомый круглый камень, на нем выбит один только крест. Почему крест, нам объясняли – в городе тогда была церковь, священнослужители, и они настояли. Имен на камне нет. В эту могилу положили тех, кто воевал с противоположной стороны. У хозяев завода была своя частная армия, охрана, и вот там лежат бойцы этой армии. Наемники. Их в общем-то тоже жалко. Нам, конечно, говорили, что они повернули оружие против братьев по классу, убивали рабочих, но все равно ведь люди. Пошли в охрану Новогорода, чтобы прокормить семью, им приказали – они и стреляли. Я подошел к камню ближе.

Вот это новость! Теперь и этот памятник – ну не памятник, так могильная плита – был покрыт именами. «Казанцев, Игорь Андреевич, год рождения – год смерти. Нурмухамедов, Ришат Ахметович... Шнайдер, Иосиф... Слепынин, Борис...»

Только имена, фамилии, год смерти, иногда и год рождения. Интересно, кто же это сделал? Ведь это не так просто – неужели восстановили каким-то образом имена охранников, выяснили, кто именно погиб в том бою? Это должна быть титаническая работа – и чего ради? Н-да, странное дело. Впрочем, и это неважно.

Памятник по-прежнему на месте – перед музеем. Эта скульптурная работа тоже в детстве потрясала мое воображение, да и сейчас я нахожу ее вполне приличной. Герои Кузинской революции. Алексей Воронков, в бандане и с кинжалом на поясе. Стальное лицо, рука на прикладе. Ольга Николаевна Боровская. Памятник поставили еще при ее жизни, она вначале была секретарем Кузинского горкома, а потом уехала в Свердловск и там стала очень большим уральским начальником. Говорят, Боровская сильно возражала и метала громы и молнии по поводу памятника. Зачем, мол, этот культ личности при жизни. На что Кузинский совет резонно ответил, что из песни слов не выкинешь, памятник – погибшим, но ее, Ольги Николаевны Боровской, сиречь Иволги, роль из истории Кузинского освобождения не сотрешь. Так что пусть терпит. Хотя, наверное, став начальством, да и просто постарев, Боровская уже потеряла внешнее сходство с этой женщиной – жесткой, костлявой, с птичьим профилем, во главе архитектурной группы – Воронков, он же Ворон, стоит сбоку, как бы охраняя ее.

Еще рядом трое бойцов, и это не просто безымянные символические революционеры; один из них – Апрель (у него еще гитара наперевес вместо автомата), другой – китаец Син, оба заметные люди, сыгравшие значительную роль в тех событиях и позже. А третья – Мария Кузнецова, легендарная героиня, восемнадцатилетняя девчонка, о которой и книги писали, и фильмы снимали. Она ценой своей жизни спасла жизнь Боровской. Она вместе с еще одним бойцом взорвала ядерный переносной фугас, спасла таким образом революционную коммуну от уничтожения; она была командиром взвода разведки. Маша Кузнецова, она же Маус – тощая, с повязкой через один глаз, рядом с Воронковым, и его рука касается ее предплечья.

Неизвестно, было ли что-то между ними, некоторые считают, что было – но по-моему, это скорее художественные фантазии.

Памятник со времен моего детства не изменился. Я повернулся к зданию Музея. Старинный трехэтажный особняк из красного камня, раньше здесь строили такие жилища для богатых. Аутентичное здание, действительно особняк владельца завода Фрякина.

Внутри тоже все было привычно: табличка, призывающая беречь исторические ценности и в грязную погоду надевать тапочки, корзина с горой этих тапочек; каменная мозаика пола и аляповатая безвкусная лепнина стен. Из соседнего зала доносился голос экскурсовода. Я подошел и прислушался.

На экскурсии, конечно, были школьники. Если взрослые давно уже прекрасно обходились электронными помощниками, которые и на вопросы отвечали, и вообще поддерживали интерактивность, то детям полезнее живой рассказчик. Я увидел группу – человек десять-пятнадцать, все малыши, самым старшим, может, лет по одиннадцать. Черные, светлые, русые головки замерли неподвижно, экскурсовод, видно, попался хороший, умел заинтересовать. А вот и он – я улыбнулся, узнав парня. Никитка Пронин, он на два года меня моложе, но в ШК мы были в одном отряде. Вроде бы после школы служить он пошел на «Электрон», но историей всегда интересовался. Конечно, когда я получил аттестат, Ник был еще пацаном, но мы со всеми из отряда обменивались фотками, так что узнать его несложно. Невысокий, кряжистый парень, волосы по-прежнему очень светлые, не потемнели с возрастом, лицо раньше было круглое, но теперь облагородилось, красивое мужское лицо, а вот нос по-прежнему картохой. Меня он пока не видел – ну и ладно, не буду мешать.

– Что такое ГСО, кто знает?

– Городская самооборона! – ответил какой-то умник из малышей. Ник важно кивнул.

– Правильно. Что такое Городская Самооборона, я вам сейчас расскажу. Вот представьте... Закончилась большая война. Город полностью разрушен. Люди живут в развалинах, кругом гигантские крысы, кое-где зоны радиации, нет ничего – водопровода, электричества, вообще ничего, каменный век. Крестьяне пытаются вокруг города что-то сеять, выращивать. Работает только один завод «Электрон», рабочим еще платят что-то продуктами, а остальные выживают как могут; едят даже червей. Очень много людей умирает постоянно от голода и болезней. Никакой власти в городе нет, никто не пытается людям как-то помочь, что-то организовать. Представили? Вот посмотрите на фотографии того времени... Мы потом пойдем в зал, где вы увидите предметы быта.

В этих условиях в городе еще и буйствуют банды преступников. Отбирают заработанные продукты и вещи у рабочих, последние куски хлеба у детей вырывают; грабят крестьян, заставляя их платить дань. Убивают, насилюют, берут людей буквально в рабство и заставляют на себя работать.

И вот в этих условиях появляется человек, бывший военный, который говорит – хватит! Он собирает команду из городских безработных, обучает их военному делу, они добывают оружие и начинают бороться с бандами. Патрулируют улицы, защищают людей, отбирают у бандитов награбленное. Это Алексей Воронков, Ворон – вот он на фотографии, видите?

Эту команду называют ГСО – Городская Самооборона. Она существовала несколько лет, боролась с бандитами... А потом к ГСО присоединилась Ольга Боровская, тоже бывший боевой офицер и коммунистка. Она же вела работу на заводе «Электрон», убеждая рабочих начать бороться за свои права. ГСО была первой ячейкой городской самоорганизации, к которой потом присоединились рабочие «Электрона», и именно они совершили революцию, захватили Новоград, где мы с вами сейчас находимся, и организовали Кузинскую коммуну...

Голос Никиты стал невнятным, группа удалилась в глубь зала. Я улыбнулся. Все как в моем детстве. Мы тоже ходили в этот зал, слушали, затаив дыхание, рассказы про ГСО.

Вот только я помню и другое – смутно, потому что было этого немного. То, что Витька Ерш облил памятник краской – это вроде бы шалость. Но была у этой шалости и некая идейная подоплека. Помню, как летом в походе, в темноте палатки рассказывали друг другу жуткие истории – ночной лес самое подходящее место для этого, и кто-то вдруг начал: «вот мы все восторгаемся историей ГСО. А вы знаете, сколько народу они расстреляли, когда к власти пришли?»

Потом я узнал, что когда ГСО захватила Новоград, убиты были целиком семьи Фрякина и тогдашнего главного менеджера завода, Субирова. Даже дети. У Фрякина был сын-подросток и дочь, маленькая девочка. Ее тоже убили.

Нельзя сказать, чтобы этот поступок восставших был не понятен или не объясним по-человечески, но помнится, как-то это светлый сияющий лик героев революции в моих глазах... не то, что запятнало, но как-то смутило. Детей-то зачем убивать? Даже с учетом того, что и у самих восставших умирали дети – ведь это неправильно? Ведь дети Фрякина ни в чем не виноваты, и это несправедливо. В общем, стало ясно, что в жизни все сложнее, чем та черно-белая картина, которую нам рисовали экскурсоводы и учителя...

Кроме того, ходили и разные другие слухи – то про женщин в ГСО, то про пытки или грабежи. И вот именно теперь я пришел сюда, в Музей истории, с решительной целью – понять, что там было правдой, а что нет, и как все это интерпретировать и оценивать.

Я очнулся – по лестнице ко мне спускалась девушка, очевидно, сотрудница Центра Истории. Очень милостивая блондинка, коротенькая вишневая юбка высоко открывает безупречно загоревшие стройные ноги, сережки с аметистами покачиваются в такт танцевальной походке. Отвык я на Церере от таких девушек, надо сказать. Пришел в себя лишь когда она оказалась рядом со мной и заговорила.

– Здравствуйте! Вам помочь?

– Нет... то есть да, – опомнился я, – меня зовут Станислав Чон, и я хотел бы у вас поработать... в городском архиве, если можно.

Белокурая головка со сложно переплетенными прядями слегка качнулась.

– Добро пожаловать к нам в центр, Станислав! Меня зовут Ева Керн, – легкая рука коснулась моей ладони и выскользнула, толком не пожав, – речь ведь идет о работе, не о службе?

– Нет, о работе.

– Ну что ж, я могу вас пока немного ввести в курс дела, у меня сейчас есть время. А насчет архива надо будет поговорить с Кэдзуко. Вы, наверное, его не знаете, это наш директор, он у нас не так давно. А вы ведь живете не в Кузине?

– Я здесь вырос. Потом служил в других местах... А вот теперь решил вернуться, так сказать, к истокам. Нынешнего директора действительно не знаю. А вот ваш сотрудник, который там внизу детей водит, – он мне знаком, Никита Пронин, мы с ним вместе были в ШК.

Ева уже касалась непроизвольно пальцем виска, как делают многие, работая с коммом. Красивые голубые глаза чуть закатились. Потом она взглянула на меня.

– Кэдзуко будет через час и готов вас принять. Если хотите, я проведу для вас небольшой обзор, походим по Центру, поболтаем.

– Да, с удовольствием, – я улыбнулся. Еще бы – с такой девушкой общаться без удовольствия, это можно было бы сразу поставить диагноз ангедонии.

Надо сказать, я не строил иллюзий: в любезности Евы нет ничего личного. Такая ситуация повсюду: куда бы ты ни пришел, везде встретишь внимательных, вежливых и отзывчивых людей, у которых найдется для тебя немного времени. Новому сотруднику – неважно, по Службе или добровольному – всегда все рады.

И все же общаться с Евой было приятно, через пятнадцать минут я вскользь выяснил, что она всерьез занималась художественной гимнастикой и даже была серебряным призером

Урала. Сейчас перешла в танцы. Заметно по ее движениям. Историю Ева выбрала для Службы, закончила Академию и теперь служила в Центре, всего здесь было 28 обязательных сотрудников. Она потому и уточнила сразу, для чего я пришел – в кузинском центре вакансий на Службу сейчас нет. Но я и не собирался здесь служить. У меня и профильного образования нет, и вряд ли я стану профессиональным историком.

Хотя курс, разумеется, пройти придется.

В музее все изменилось, в общем, несущественно. Убрали какие-то композиции, добавили новые. Довоенный зал – до большой войны Кузин был затрапезным провинциальным городком, живущим в основном за счет того же «Электрона», построенного чуть ли не во времена Первого Союза. Зал Катастрофы, здесь уже привычные ужасы ядерной и постъядерной войны; Ева показала мини-лекторий для детей и взрослых, где демонстрировались поражающие факторы ядерного взрыва. Сейчас это, конечно, не особенно кому-то нужно, но в историческом плане интересно. Сразу понимаешь, как же это прекрасно, что на планете уже давно разрушены последние атомные бомбы, и ни одному ублюдку не придет в голову собрать что-то подобное снова. Разве что прилетят злобные инопланетяне... но пока незаметно, чтобы они вообще существовали. Мы поговорили об этом с Евой. Я вскользь упомянул, что работал на Церере, и заметил по неуловимым признакам, что мой рейтинг в глазах девушки мгновенно вырос.

Зал ГСО. «Но, конечно, здесь немного, все основное ты найдешь в музее ГСО в бывшем танковом училище». Некоторые фотографии, оружие, невнятные короткие видеотренировки почти столетней давности, личные вещи, паек, который выдавали в ГСО в худшие времена (и на таком можно жить и даже воевать?! Впрочем, я был в Ленинграде в музее блокады, там еще хуже). Я заметил новое фото, еще незнакомое – две молодые девушки из ГСО, судя по оружию, и маленькая девчонка. Одна из девушек, темноволосая, очень тощая, положила девчонке руку на плечо. Сестра?

– Это Мария Кузнецова, – сообщила Ева, – а это ее подруга Чума, Светлана Васильева. Погибла при штурме Новограда, прикрывая отход товарищей. А девочка – это знаешь кто? Дана Орехова.

– Да, знаю, – кивнул я. Дана Орехова в нашем городе известна, есть улица ее имени; она довольно долго была председателем совета городской коммуны, потом работала в краевой и наконец стала членом ЦК партии, в общем, известная руководительница времен диктатуры пролетариата.

– В общем, это не всем известно. Кузнецова спасла ребенка, который после гибели матери не смог бы выжить. Дана Орехова часто упоминала Марию в последующих записях.

Ева рассказывала об этом равнодушным тоном, видно, эти факты уже перестали вызывать у нее эмоциональный отклик. Я снова посмотрел в лицо Марии-Маус. Она чем-то похожа на Марселу, может, просто тем, что темные глаза и волосы, хотя один глаз закрыт повязкой. Или мне так кажется. У меня все симпатичные девушки на Марселу до сих пор похожи. Вечно голодная, на грани выживания, одинокая девчонка, в ГСО ведь тогда еще не кормили, ГСО давала только уверенность в себе и оружие; и вот ведь, подобрала сироту. Вообще людей, которые тогда жили, нам очень трудно понять; это были титаны, а не люди. Вот Чума, красивая девушка – высокая, белокурая, взгляд очень холодный и жесткий. Погибла, прикрывая других, взорвала себя гранатой вместе с врагами. Они жили так мало, но успевали так невероятно много сделать, для человечества, для будущего, для друзей и товарищей. Кто из нас смог бы так? Не знаю. Вот мать бы смогла, она и так смогла многое – но я не такой, как мама и отец. Я обычное дитя нашего мирного времени...

Мы прошли в зал Первой Коммуны, и там тоже были кое-какие изменения. В архив, сказала Ева, меня пустят, но только после беседы с Кэдзуко. А пока мы можем перекусить. Мы зашли в буфет, который как раз оккупировали питомцы Никиты. Сам Ник уже куда-то исчез,

детьми занималась женщина, видимо, учительница из ШК. Само собой разумеется, просвещение – просвещением, а вкусняшки по расписанию, дети нахватили сладких напитков, фруктов и мороженого. К счастью, это нашествие, похоже, заканчивалось. Я взял в автомате чашечку кофе, Ева – порцию салата и воду.

– Я хочу еще оформить главу, – пояснила она, – диссер пишу. Служба на сегодня закончена, но...

Мы уселись за столик возле небольшого фонтана со статуей нимфы. Дети с шумом и гамом выбегали из кафе.

– Тебе, наверное, вообще теперь всю жизнь служить не надо? После Системы? – усмехнулась Ева. Я пожал плечами, улыбаясь.

– Я и до Системы уже часов прилично перебрал. В медицине ведь так – сложно в рамках службы оставаться. Слушай, а над чем ты работаешь?

– Тема стандартная для диссера. Развитие коллективного действия в ГСО в предреволюционный период.

– Мне кажется, я не смог бы этим заниматься, – я попробовал кофе. Капучино этот автомат готовил так себе, надо было чай брать, редко у нас встретишь хороший кофе. Вот в европейской части, особенно в Италии, его готовят лучше.

– Почему? – удивилась Ева. Она ела изящно, и даже салат на квадратной белой тарелке казался замысловатым украшением – тончайшие перья рыжей моркови, зеленые кусочки авокадо, малиновые кольца лука...

– Эти люди, когда я о них думаю – это же были сверхлюди какие-то. Титаны. Герои. А мы – обыкновенные. Я всегда, с детства... – я умолк. Не хватало еще вспоминать личное.

– Герои, – протянула Ева, чуть дернув плечом, – все не так просто, Стас. Они жили в другой парадигме, нечеловеческой. Да, зачастую не щадили своей жизни. Но они не щадили и других. Знаешь... на самом деле там все сложно было. Детям это не рассказывают. Там очень многих расстреляли, иногда без вины или за какую-то ерунду совсем. Воронков сам расстреливал, да, легендарный Ворон – что побудило его этим заниматься? Мог бы отдать приказ. Тут начинаешь подозревать какие-то психические сдвиги – если человеку нравится убивать... Попытки применяли и к пленным, и к своим же товарищам даже, если подозревали их в чем-то.

– Но ведь и другая сторона применяла пытки. В этом случае неизбежно... – возразил я. Кофе уже не лез в горло.

– Да, это верно, но в чем тогда ГСО в принципе лучше всех этих банд? Мало того, там насиловали женщин, причем очень часто.

– Но подожди... как? Ведь в ГСО было очень много женщин, поначалу вообще большинство!

– Женщин было большинство действительно в самом начале. В первые годы ГСО. Просто по той причине, что здоровые нестарые мужчины без труда находили работу в Охране завода, на самом заводе или же просто шли в банды – более успешные, чем ГСО. Но когда Ворон стал добиваться успехов – в ГСО пошли и мужчины. Их стало значительно больше, чем женщин. И... да, бывало всякое. Есть свидетельства женщин, которые ушли из ГСО после изнасилований.

Я подавленно молчал. Цзиньши, выходит, в чем-то прав? Как и правы те, кто в детстве распространял все эти слухи, – тогда в это не верилось, но слушать было интересно и жутко. Ева безжалостно продолжала:

– Я надеялась, что, может быть, наш партийный комиссар, Иволга, то есть Боровская, оказала там гуманистическое влияние. Но нет... факты показывают, что увы, нет. Именно при ней был сформирован в ГСО суд, приговаривающий людей к различным наказаниям и расстрелу. Ну и... разное там было.

– Они были детьми своего времени. Очень жестокого времени.

– Да, это верно, – Ева отправила в ротик очередную порцию пестрого салата, – но как-то от революционеров ожидаешь... большего понимания, большего гуманизма, что ли. Конечно, в диссертацию все это не пойдет, – она улыбнулась. – Сам понимаешь. О мертвых либо хорошо, либо ничего.

– Вроде бы наука не должна руководствоваться таким девизом, – возразил я. Ева улыбнулась.

– Ну я же не собираюсь врать или подтасовывать факты. Однако можно брать их выборочно. Действительно, были образцы героизма, гуманности. Та же Маус... думаю, если бы она не успела героически погибнуть, ее бы расстреляли позже. Сам Ворон, который потом руководил КБР, и расстрелял бы, несмотря на все слухи об их неземной любви. Понимаешь, лезть во всякую грязь, копаться в ней – во-первых, нет ни малейшего желания, во-вторых, как отнесутся к такому диссеру? А мне бы хотелось все-таки спокойно защититься.

Мне такой подход к науке показался несколько странным, даже неприятно, что такая красивая девушка, и... Но тут же я забыл обо всем, потому что в дверях буфета показался новый посетитель.

«Это невозможно!»

Нет, не он... я перепутал.

Нет, он!

Я вскочил.

Костя увидел меня. Он был все такой же, не сильно изменился – веселые карие глаза, русые волосы тщательно уложены, высокий, долговязый...

– Стаська!

– Коська!

Вспышка безграничной щенячьей радости. Марсела, все эти сложности, все эти недоговоренности... да какая разница, это же Коська! Мы крепко обнялись. Костя был явно рад меня видеть. Но черт возьми, как...

– Здравствуй, – Костя повернулся к Еве. Это «здравствуй» было сказано с каким-то особым значением. Ева, улыбаясь, протянула руку, словно для поцелуя, Костя перехватил ее обеими руками и задержал ладонь Евы в своих лапищах.

– Я вижу, вы знакомы, – Ева посмотрела на нас в замешательстве. Костя крепко хлопнул меня по плечу.

– Эгей! Мы не просто знакомы... мы, считай, почти родные братья. Ну раз такое дело... Ева, у вас тут пивка хотя бы нет?

– Есть даже вино, если хочешь...

Мы снова сели за стол – втроем. Марсела, билось у меня в голове. Марси. Ведь если Костя здесь, то и Марси... Хотя создается впечатление, что у него отношения как раз с Евой.

Костя разлил по двум бокалам «Хванчкару», Ева вежливо отказалась, оставшись при своей минералке.

– Стаська, как ты? Как здесь оказался-то? Ты же вроде в Космосе был?

– Да вот, закончился Космос, – улыбнулся я, – треснулся, понимаешь, спиной, полгода в больнице, теперь пока запрет... приехал повидать мать, ну и вообще. А ты-то как... у тебя даже родня отсюда давно уехала!

– Э, у меня все сложнее! Я здесь по работе.

– По работе? А... – я вспомнил утренние новости, – сообразил! Идет же восстановление спекшейся почвы к югу от города.

– Ну да. Это же по моей части. Я инженер-эколог, почвы – как раз моя специальность. Защитился в прошлом году, кстати...

– Я не знал. Поздравляю!

– Да ничего особенного, – легко сказал Костя. – Ну, за встречу!

Бокалы дзинькнули. «Хванчкара» оказалась сочной, без всякой кислинки.

– Вот, узнал, что в родном городе начали восстановление почв, а ведь это мой хлеб. Тем более, хорошо, что у нас практически нет радиации.

– Радиация все еще есть в Ленинском, под куполом.

– Да, но там другое. Сама термоядерная бомба была чистая, но почва в речной долине спеклась и считалась до сих пор невозстановимой. Теперь у нас есть новые методы, и я думаю, что за три-пять лет мы там восстановим биоценоз.

– Ну а... – я решился, – как Марси? Она с тобой?

– Конечно, – ответил Костя без улыбки, – она без меня никуда. Устроилась на Электрон.

– Но «Электрон» же искинами не занимается, или я что-то пропустил?

– Да она, знаешь... все как-то в поиске. С искинами у нее не очень получилось, она разочаровалась. В общем, не знаю, сложно все.

Это было совсем не похоже на Марселу. Она в нашей группе всегда была техническим мозгом. Ярко выраженная односторонняя одаренность, любил говаривать Костя. Сам он был гением-универсалом, ему удавалось все и везде. Ну почти везде. Я всегда был серединка на половинку, без особых талантов. А вот у Марселы талант был. Она сначала выполняла работу биолога-информатика в нашей научной группе, потом, лет с шестнадцати, окончательно перешла на кибертехнику, в семнадцать победила в первенстве Евразии со своим «электрическим псом», а в мире заняла четвертое место. Всем, и ей самой было понятно, чем она будет заниматься. И в группе сильного искина у Чжан Тея она стала самой молодой исследовательницей...

Не получилось, ушла... Странно это.

– Слушай, старик... что мы сейчас будем перетирать. Давай к нам сегодня вечером? Марси обрадуется. Посидим по-человечески. Адрес я тебе уже скидываю. Немного далековато, но зато красиво, у озера.

Все мои изыскания полетели в тартарары на сегодня. Конечно, я встретился с Кэдзуко, дальневосточным японцем, невысоким, немолодым и вежливым; конечно, он дал мне универсальный пропуск для городских архивов и порекомендовал литературу для введения. «Вы же не можете работать в архивах без элементарной подготовки». Но ни в какой архив я уже не пошел, а отправился домой, потому что сосредоточиться все равно было невозможно.

Дома я пообедал под бормотание портала аналитиков, потом разыскал в субмире подходящую онлайн-академию и записался на первый курс для историков-архивистов. Темп учебы, разумеется, можно выбирать самостоятельно, и я бегло просмотрел первый урок источниковедения. Закрыв окно, и комп – мой новый «домашний дух» носил странное имя Евламбий – вежливо поинтересовался:

– Внести твоё занятие на личный счет Службы?

Я пару секунд соображал, почему так, а потом понял: кажется, система решила, что я просто меняю профессию, ну а студенчество, конечно, засчитывается в счет Службы. Хотя там коэффициент 0,4, то есть заниматься нужно гораздо больше, чем 15 часов в неделю – или добирать часы, трудясь где-то на практике.

– Нет, это просто моя работа. Не надо вносить.

Собственно, почему не надо, подумал я, не помешает же. Но это не вполне честно, на самом деле я не собираюсь служить историком. Черт, до вечера еще часа три, чем бы заняться... кино, что ли, посмотреть. Возбуждение от всего происшедшего было слишком велико, и логично в такой ситуации сбросить пар – заняться спортом. Тем более что мне это показано, а я пока даже не спланировал занятия, не записался в реа-центр. Я принялся переодеваться – схожу в домашний бассейн, бегать мне пока нельзя, а плавать – самое милое дело. Внезапно вмешался голос Евлампия.

– Внешний вызов. Анонимный. Принять?

– Принимай! – я быстро натянул турнирку. А что, кто скажет, что у меня неприличный вид – спортивные плавки и турнирка...

В полушарии стенного монитора возникла мешковатая фигура. Я вытаращился и через несколько секунд узнал лицо однокашника.

Нет, точно, сегодня меня уже ничто не может удивить.

– Привет, Витька!

– Здорово, Чон! Ну как ты? Я слышал, на Церере травму получил...

– Да, было дело, но сейчас я уже как огурчик. Вот домой приехал, в Кузин.

– К матери?

– Типа того.

– А-а... ну рад за тебя. И живешь с ней?

Чего это он меня спрашивает?

– Нет, почему, отдельную снял. А ты-то как, Витек? Про тебя вообще ничего не слышал...

– Да так, кантуюсь. То там, то сям. Слушай, у меня к тебе дело есть. Я сейчас далеко, но хочу в Кузин прокатиться, пожить там немного. Можно, я у тебя поживу?

– У меня... ну почему же нет. В чем вопрос? Тебе снять что-то?

– Да нет, не надо снимать. Я просто поживу несколько дней у тебя. В твоей квартире, если не возражаешь.

Просьба была немного странная. Если ты ненадолго, то есть же прекрасные гостиницы, хотелось мне сказать. Но получилось бы, что я не хочу с ним встречаться, отказываю в элементарной просьбе... мы так привыкли к этому комфорту – есть гостиницы, есть службы – что совсем перестали нуждаться в друзьях.

– Я тебя не стесню.

– Конечно, приезжай! – ответил я. Любой иной ответ казался сейчас невозможным. Я же хочу встретиться с Витькой Ершом! Не то, что мы в школе были друзьями, скорее, наоборот. Пару раз он устраивал мне милые шуточки, а точнее, подлянки... И попытки по-человечески общаться отвергал, задирая нос. Но какая теперь разница, мы из одной ШК, из одного отряда, а значит, почти братья. Родственники. А я даже представления не имею о том, чем жил все эти годы Ерш. Он один из немногих наших отрядников, кто просто исчез куда-то – и ничего мы о нем не знаем.

Впрочем... это как раз не проблема. Я прямо в плавках сел в рабочее кресло и через пятнадцать минут выяснил все – и про Костю, и про Марселу, и про Ерша.

С Костей все оказалось предсказуемо. Он пер вперед, как танк. Получил мастера по специальности инженер-эколог, работал в Хабаровском крае, затем в Китае прошел курс восстановления почв, защитился по этой специальности – доктор наук, участвовал в восстановлении полей под Шанхаем. В то время и Марсела работала там же, ведь там и расположен знаменитый ЦСИ Тея. Потом поехал в Танзанию, там тоже работал по почве (странно, я думал, Африку вообще не бомбили ядерными). Между делом даже получил бронзу на первенстве Китая по многоборью – высокий уровень! А я ни разу его не поздравил... жевал сопли из-за Марселы, хотя она выбрала его совершенно заслуженно. Я вел себя как мерзкая инда.

А вот данные о Марси были не такими утешительными. Она тоже серьезно занималась спортом в школе, но потом, похоже, бросила – никаких данных о соревнованиях в ее персонале не было, не было фоток и видео, ничего. Только детские записи, я с щемящим сердцем пересмотрел их еще раз – тоненькая девочка в красном на белых коньках, крутит немыслимые фигуры, танцует огненную самбу на серебряном льду. В фигуристок влюбляются все. У Марси, кроме нас с Костей, поклонников был вагон и маленькая тележка, то, что она все же на какие-то пару лет выбрала меня – просто удивительно. Я, наверное, самый незначительный из ее воз-

дыхателей. И что теперь – она совсем не встает на коньки? Вообще никаким спортом не занимается для здоровья?

Еще страннее все обстояло с профессией. И у Марси все было предсказуемо вначале: она закончила институт кибернетики (еще в то время мы с ней расстались), год поработала на орбите (коэффициент учета Службы двойной), попала по конкурсу в ЦСИ к Тею, участвовала в разработке какой-то «третичной сети» (надо будет разобраться, я совершенно ни бум-бум в искинах). В общем, кажется, все у нее шло хорошо. И вдруг она все бросает. Едет с Костей в Африку. Там работает опять в институте искина, но об этой работе уже никаких данных нет. Потом служит почему-то в киберцентре. То ли с искинами не сошлось, то ли что-то не так с коллективом. Киберцентр – это просто больница для киберов, там их чинят, настраивают, еще разрабатывают новые модели, но Марси трудилась в отделе техобслуживания. Далее почему-то вообще не служила, и данных о каких-то ее занятиях нет. Ни о службе, ни о работе. Ну да, за год работы на орбите она накопила 2—3 года свободных часов, да и у Тея вряд ли ограничивалась стандартными 15-ю часами в неделю. Но ведь что-то же она должна была делать... хоть кулинарией или аквариумом бы увлеклась. Абсолютно чистый персонал, как будто человек проспал эти годы.

Если бы речь шла о ком-то другом, я бы не удивился, вполне нормальная биография. Мало ли чем она занималась, не отражая это в персонале.

Но только не Марси... Марси ведь не просто активный, трудолюбивый человек, она, если честно, очень чем-то напоминает мою мать. Она – человек Службы. Увлеченная, целеустремленная. Да еще и способности блестящие. А тут... Неужели я настолько плохо ее понимал?

Детей они с Костей тоже так пока и не завели.

Но больше всего меня поразил Витька Ерш.

Счетчик Службы из его персонала был убран. Ну бывает.

Было сообщение о том, что Ершов Виктор Павлович закончил два с половиной курса Московской гуманитарной академии по специальности «искусствоведение». Продолжать образование он, видимо, не стал.

Далее было сообщение об участии Ершова в арт-группе «Бомба», фотки с какими-то экзотически разодетыми парнями и девушками. И все, никаких биеннале, выставок, фестивалей (впрочем, чем занималась эта группа? Не знаю). И брак Виктора Ершова с некоей Камиллой Сысоевой («Стрекоза»), также участницей этой группы. Упс! Двое детей – сейчас им должно быть восемь и шесть лет. Были указаны также имена детей, вогнавшие меня в полный ступор. Старшего мальчика звали Гильгамеш Ершов-Сысоев, девочку – Богородица Ершова-Сысоева.

Талантливый папаша, ничего не скажешь.

Я поискал арт-группу «Бомба». А вот группа оказалась довольно известной. Занималась она перформансами. Разумеется, не в порядке Службы, но почему нет, если людям интересно. Правда, известность группы была скорее скандальной. Некоторые перформансы мне даже понравились: например, ребята переоделись в ангелов с нимбами и спускались с парашютами на площадь в Мекке. Устроили неожиданный фейерверк во время Дня Евразии.

Но другие их действия скорее напоминали хулиганство: например, они выложили на Дворцовой площади в Ленинграде гигантский квадрат из живой трепещущей рыбы (бр-р); а уж массовая оргия голышом – двадцать пар одновременно – перед восстановленным Нотр-Дам-де-Пари – вообще вызвала срочное заседание Парижского Совета, который постановил запретить арт-группе, вместе и по отдельности, въезд на территорию города. По этому поводу проводили даже референдум, были большие дискуссии (я почему-то ничего об этом не слышал), но большинство парижан сочли отвратительным такую демонстрацию, опошление интимности и сексуальности, да еще на глазах в том числе и детей – что уже граничило с педофилией, так что были требования вообще направить артистов на принудительное лечение.

В меньшем объеме и уже тщательно избегая присутствия детей, арт-группа повторяла подобные выходки и в других местах – музеях, исторических местах, учреждениях. Судя по всему, это должно было символизировать свободу сексуальности – как будто в наше время кто-то ее ограничивает. Кроме того, «Бомба» регулярно обливала краской памятники различным героям революции и Освобождения, в этом отношении Витька просто вернулся к своим детским развлечениям.

Если это можно назвать работой, то все эти годы Ерш, конечно же, работал. Но вот о его Службе никаких данных не было. Впрочем, нетрудно же где-то числиться, быть вечным студентом, найти синекуру – так делают некоторые. Видимо, так сделал и он.

Чтобы как-то уложить весь этот вал информации в голову и проветриться перед встречей с Костей и Марселей, я отправился все же в бассейн в цоколе жилого комплекса, проплыл около километра и долго, старательно занимался на реа-тренажере.

Эндорфины, как положено, выплеснулись в кровь, и на встречу я отправился радостный, тщательно вымытый, спокойный и счастливый.

Костя поселился у озера Анжелы – уже не в Кузине, а дальше по Дуге, но до места его работы, собственно, здесь было лишь десять минут по магнитке. Новые микрорайоны встали над чистой прозрачной водой – всегда это озеро было мутным от ила, но теперь его очистили. Я шел от магнитки, наслаждаясь поздней весной, люблю это время, когда листва недавно распустилась и выглядит свежей, новенькой, а в ветвях оглушительно щебечут птицы. Народу было немного – пробежала стайка ребятишек, прошла девушка, за которой деловито трусили два огромных дога.

Местность у озера относительно плоская, разве что холмы видны на другом берегу. Урал – край не только гор, но и умопомрачительных озер, когда-то почти диких, а теперь они используются народом на полную катушку – даже сейчас, в вечерний час и при прохладе, от воды доносились радостные крики, и виднелись головы купальщиков. Комплекс, где жил Костя, состоял из разноцветных кубов с длинными узкими окнами, разбросанными, казалось, беспорядочно. Я поднялся в цоколь оранжевого куба, проехал немного на лифте – в лестницах и коридорах еще запутаюсь, отдал сигнал комму, чтобы тот связался с домашним компом Кости...

Дверь оказалась открыта, и на пороге стояла Марсела.

В отличие от Кости, она изменилась. Я узнал ее сразу, но она стала заметно старше. Перестала быть девчонкой, какой я запомнил ее. Может быть, виной тому длинные волосы, раньше она коротко стриглась. Теперь темные волосы были небрежно разбросаны по плечам. Лицо словно огрубело, выделились скулы; казалось даже, что глаза стали меньше и потухли – горящие угольки истлели и превратились в черные провалы под дугами бровей.

Наверное, освещение такое. Марсела радостно улыбнулась, и на миг ее лицо стало почти прежним. Надо было нам обняться, мы же тоже почти брат и сестра, но первый миг был пройден, наступила неловкость. Марсела протянула мне руку, уже не такую тоненькую, я пожал ее.

Костя выскочил навстречу и для приветствия двинул кулаком мне в грудь.

– Ну давай, давай! Заходи!

В комнате был накрыт журнальный столик. Мебель, как я успел заметить, эклектичная – по большей части стандартная, но тут же стоял выпендренный комод темного дерева, винтажный древний диван в цветочек, макраме на стене. В целом неудобное ощущение проходного двора.

Зато на столике – тарелки под крахмальными салфетками, салатики, фрукты и бутылка «Сангрии» с тремя разноцветными бокалами. Марси уселась на старинный диван, и на колени ей вспрыгнул белый ангорский котик с голубыми глазами.

– Это наш Пепе, – представила она. Я протянул коту палец, тот недоверчиво принялся. Потом решил, что я свой человек и начал приласкиваться к руке.

– За встречу! – Костя разлил испанское вино по бокалам. Я усердно гладил кота.

– Рад вас видеть ребята. Жаль, что мы так много лет не встречались... это безобразие, я считаю.

– Конечно, безобразие! – подтвердил Костя. – Ну и как ты нас находишь? Изменились?

– Ты вообще никак, – усмехнулся я, – как был хвостун, так и остался.

– А я? – тихо спросила Марсела. Я взглянул на нее, и у меня вдруг защемило сердце. Отчего? Она же счастлива. У нее все хорошо. Ответить что-то дежурно-стандартное – у нас никогда не было таких отношений. Мы даже ближе, чем родственники...

– Честно? – спросил я.

– Ну да, – рассмеялся Костя, – латиноамериканская красота... Бурно цветет, рано увядает! – он отечески похлопал Марси по спине. Девушка даже ухом не повела. В школе бы обязательно попробовала дать Косте пинок под зад, попробуй он хоть как-то выразиться непочтительно в ее адрес.

– Да, ты знаешь... это гены, – глухо произнесла Марси, – мне приходится принимать таблетки регулярно, чтобы не располнеть. Действительно, наши женщины в молодости часто тоненькие, а потом расплываются – ну конечно, так было до современной медицины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.